

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 34

Выходит еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 27-го августа 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 40.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 г. Съ приложениемъ **40 книгъ** „Сборника Нивы“, содержащихъ: **Первыя 10 книгъ** полн. собр. сочиненій **М. Е. Салтыкова-Щедрина** и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій **А. К. Шеллера-Михайлова.**

М. Е. Салтыкова-Щедрина

А. К. Шеллера-Михайлова.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. Печковской,
Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Рышельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . . .

8 р. 12 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ доставкою въ СПБ. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СПБ. 2 р., съ перес. иногороднымъ 2 р.

Испорченная натура.

Повѣсть
Кн. М. В. Волконской.
(Продолженіе).

— Это что-жь?.. Cousine, откуда у вѣсь се nouvel être?—афектированнымъ, но присущимъ ему естественнымъ говоромъ, спрашивалъ недѣлю спустя генералъ.

Рыбная ловля. Фотоэтиюдъ В. Хриппова, авт. «Нивы».

— Это что-жь?..

Генераль остановился и вперишь тусклые глаза въ Анютку, разгуливавшую до его прихода по залѣ (почти единственной мебелью которой былъ большой акваріумъ), а теперь стоявшую, не шевелясь, въ красной фланелевой кофтѣ и такихъ же фланелевыхъ красныхъ башмакахъ съ двумя рядами стальныхъ пуговицъ-горошинокъ, застегнутыхъ бѣлыми узкими бумажными шнурами.

Дѣвочка, поднявъ на генерала невинные любопытные глаза, смотрѣла на него.

— Я думалъ, что это ученая собака или обезьяна...

— Ахъ, ужъ не говорите,—отвѣчала, граціозно отмахиваясь рукой, Раиса Павловна, ведя гостя въ смежную съ залой маленькую гостиную. — Мнѣ ее Авдѣевъ всучилъ. Зовутъ ее Анной Даниловой.

Раиса Павловна остановилась, слегка сжавъ губы.

— Энной Дэниловой? — не понявъ всего, что таилось въ этомъ имени, соединенномъ съ именемъ Авдѣева, повторилъ генераль. — Энной Дэниловой?.. Что-жь, что Энной Дэниловой?.. Я не понимаю!..

Гогольцева переглянулась съ сыномъ, гвардейскимъ офицеромъ. Сынъ, чтобы скрыть улыбку, сталъ щипать усы. Раиса Павловна широко открыла заплавленные жромъ, неравной величины, глаза.

— Пойдемте-ка въ гостиную,—значительно помолчавъ, предложила она потомъ гостю, улыбаясь всѣмъ лицомъ и черезъ мгновение добавила: — *Est ce que vous avez oublié le roman d'Авдѣевъ avec Anna Daniloff, la femme de Dmitrii Daniloff?*

— А-э, рэзвѣ былъ ромэнь?.. — спросилъ генераль, дѣйствительно забывшій, какъ онъ забывалъ все, безъ счету разъ рассказанную ему исторію, и, пригладивъ ладонью волоса отъ праваго виска къ лѣвому, онъ пошелъ вслѣдъ за хозяйкой, взглянувъ въ послѣдній разъ на Анютку въ ея обезьяньей красной курткѣ. — Эхъ, да, да... Припоминаю!.. — вдругъ уже у двери въ гостиную, произнесъ онъ, подумавъ. «Тэкъ при чемъ же тутъ вотъ она?.. Эта обезьяна... Ей бы прыгать на шарманкѣ... Я такую недавно видѣлъ у шарманщика, когда былъ въ этомъ, ну, какъ его... въ... Гельзингфорсѣ».

Онъ повернулся и, трясая на своихъ плохо служившихъ ему ногамъ, вошелъ въ гостиную.

Анютка, ничего не понимая, раскрывъ кружочкомъ ротъ, удивленно смотрѣла вслѣдъ старику своими маленькими, голубыми глазами.

— А-а гдѣ-ѣ шарманка?—когда господа входили уже въ дверь гостиной, нараспѣвъ и въ носъ, тривиально растягивая слоги, спросила она и, крѣпко прижимая къ груди игрушечнаго барана, скоро-скоро пошла за Раисой Павловной, повторяя еще и еще: — «а-а гдѣ-ѣ же шарманка?», — но сынъ Раисы Павловны обернулся къ ней и зашикалъ, хмуро глядя ей, какъ дрессируемой собакѣ, въ глаза.

Анютка остановилась.

Съ тѣхъ поръ, какъ она попала въ этотъ генеральскій пріютъ, она положительно не знала, какъ себя вести. Всѣ мысли ея путались. То ее ласкали, уговаривали не бояться, позволяли ей все разглядывать, все трогать, все разспрашивать, дарили ей игрушки и сласти; то повелительнымъ шиканьемъ останавливали въ самомъ, казалось, простомъ дѣйствіи, или желаніи, или любознательности. И теперь, глядя вслѣдъ скрывшимся за дверью господамъ, она съ какимъ-то недоумѣніемъ припоминала слова генерала. «Гдѣ можно прыгать на шарманкѣ?.. На какой такой шарманкѣ?..»

Да, все казалось ей диковиннымъ и страннымъ, все, и не только то, что она видѣла собственными глазами, но и то, что слышала, то, что приказывали ей запоминать.

— Анютка, поди сюда!—услышала она черезъ нѣкоторое время зовъ сына Гогольцевой.

Говоръ въ гостиной умолкъ, и вмѣсто него чувствовалось, что тамъ воцарилось молчаливое выжиданіе.

Анютка положила палецъ въ ротъ и, опустивъ барана на первый попавшійся стулъ, пошла въ гостиную.

— Пальцы, пальцы!—укоризненно остановила ее Раиса Павловна, когда она появилась въ двери.

Анютка медленно, но послушно вытатила блестящій отъ слюны палецъ изо рта.

— Поди сюда!—повторилъ сынъ Гогольцевой и помянулъ дѣвочку къ себѣ.

Анютка вскинула на офицера глазами. Онъ сидѣлъ, разставивъ колѣни и ноги и наклонивъ голову и туловище впередъ.

— Поди!—короткимъ шопотомъ еще разъ приказалъ онъ.

Анютка усмѣхнулась. Теперь она знала, что будетъ, и какъ собака радуется, визжитъ и машетъ хвостомъ, когда пойметъ штуку, которой ее учатъ, такъ и Анютка радовалась мысли, что знаетъ, что теперь будетъ. Все такъ же ухмыляясь, она сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась у самыхъ колѣнъ офицера.

— Улыбка-то, улыбка! А? — засмѣялась Раиса Павловна.

— Знаете, невозможная фигура! — дернувъ произвольно корпусомъ и головой, съ гадливостью сказалъ генераль.

— Н-ну?—добродушно протянула Гогольцева.

Офицеръ фыркнулъ.

— Ну, отвѣчай!—черезъ минуту приказалъ онъ отрывисто, притворно-сердито, не поднимая головы, глядя исподлобья на дѣвочку и поднося ко рту и опуская отъ него къ колѣнямъ сложенные руки палецъ къ пальцу. — Какъ тебя зовутъ?

— Анюткой Даниловой, — сказала дѣвочка.

— А чья ты дочь?

— Гусарскаго ротмистра Авдѣева дочь.

Гогольцева и офицеръ оба взглянули на генерала.

— Нѣтъ, этэ она сама говоритъ? — произнесъ генераль, пожимая плечами. — Этэ удивительно!

— А гдѣ твоя мать? — черезъ минуту, давъ установиться впечатлѣнію и высмѣяться матери, спросилъ офицеръ.

— Она померла, — сказала Анютка.

— А какъ ее звали?

— А тоже Анной Даниловой, — сказала дѣвочка.

Генераль не могъ придти въ себя отъ изумленія.

— Нѣтъ!.. Этэ она все говоритъ! *C'est impayable!*.. И какая фигура! *Est-ci que l'autre était aussi laide que celle-ci?* — помолчавъ и нервно подергавъ корпусомъ, спросилъ онъ неожиданно.

— Нѣтъ, та была прелестная, — сказала Гогольцева, закуривая папиросу.

— Удивительно!—замѣтилъ опять генераль и черезъ минуту, начиная путать, чья собственно Анютка дочь, спросилъ, уставившись на Гогольцеву своими желтоватыми, пѣтушными глазами: — Э, рэзвѣ Даниловъ такой уродъ?

— То-есть, вы хотите сказать, Авдѣевъ... — поправила Раиса Павловна. — Нѣтъ!.. — Она взглянула на сына. — Онъ скорѣе красивъ... *Un beau garçon.* Правда? — обратилась она къ сыну.

— Красивъ?.. — повторилъ, какъ во снѣ, генераль, окончательно ничего не понимая. — Но откуда же тогда этотъ уродъ?.. Непонятно!..

Раиса Павловна и офицеръ не выдержали и громко расхохотались.

Анютка, между тѣмъ, съ хитрымъ блескомъ въ глазахъ ждала привычной подачи, слѣдовавшей обыкновенно за ея отвѣтами. (Разъ только, при какомъ-то гостѣ, она ошиблась и на вопросъ: кто твой отецъ? отвѣтила просто: «а Ликсандръ, сторожъ», и тогда не получила награды).

Но теперь отвѣты ея вышли требуемые, и хотя дѣвочка совершенно не понимала, отчего все смѣялись, она знала, что отвѣтила хорошо, и гордилась этимъ.

— Что? Варенья хочешь?..—спросилъ ее черезъ нѣкоторое время офицеръ, умышленно, чтобы приучать къ терпѣнью, заставивъ ее подождать и усомниться, дадутъ ли ей въ этотъ разъ награду.

— Х-хочешь?

И, зачерпнувъ малиноваго варенья изъ вазочки, принесенной съ стаканами чая и поставленной передъ Гогольцевой, онъ протянулъ ложку дѣвочкѣ, но тотчасъ отдернулъ руку и высоко поднялъ ее.

— Что-о? Хочется, небось?.. А?.. Хочется?..—дразнилъ онъ Анютку, слѣдившую глазами за ложкой, какъ собака за подачкой

— А то какъ же!—отвѣчала Анютка.

— А что надо сдѣлать?

Анютка хотѣла-было сказать, что, но въ эту минуту темно-малиновая капля, все сгущавшаяся и увеличивавшаяся въ объемѣ на наружной сторонѣ ложки, сорвалась и упала на полъ.

— Ахъ! — вскрикнула Анютка и опустила глаза за каплей.

— Что? — спросилъ офицеръ и, слѣдя за взглядомъ дѣвочки, понялъ. — Ну, ничего, — утѣшилъ онъ ее. — Ты подбери, подбери языкомъ.

— Павелъ!.. — укоризненно остановила сына Раиса Павловна, но Анютка, посмѣиваясь, лежала уже ничкомъ на полу, вытянувшись во весь ростъ, и, останавливаясь и встряхивая своими бѣлыми волосами, лукаво взглядывая на присутствующихъ, подлизывала варенье.

— Ничего! — сказалъ офицеръ. — И не къ тому еще привыкла. Вкусно?..—обратился онъ къ дѣвочкѣ.

— Вкуснѣ! — подтвердила Анютка.

— Просто поразительно!..—сказалъ генераль, дернувъ корпусомъ. — Что за невозможные волосы!.. Я думаю, у Данилова не можетъ быть такой ребенокъ!.. — добавилъ онъ, помолчавъ. — И вы говорите, что мать ея тоже была изъ общества?

— У Авдѣева, — поправила опять Гогольцева.

— Нью дэ, у Авдѣева!.. Все равно: Данилова, Авдѣева!.. — разсердился генераль.

Лицо его стало красно-коричневымъ. Голова затряслась.

Раиса Павловна взглянула на него и замолчала.

«А ну, какъ съ нимъ сдѣлается припадокъ?» — подумала она, зная, что съ нимъ это случалось.

Она взглянула на сына и увидѣла по его глазамъ, что онъ боится того же.

— Да, мать ея была Анна Данилова, — черезъ мгновеніе начала она медленнымъ, пѣвучимъ, мягкимъ тономъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ состоянія генерала, и этимъ успокаивая его, и снова терпѣливо, вкратцѣ рассказала всю исторію Авдѣева и Анютки.

Генераль мало-по-малу пришелъ въ себя.

— Это просто невѣроятно! — вымолвилъ опять онъ. — И что-жъ вы будете съ ней дѣлать?

Гогольцева пожала плечами и, выпивъ чаю, стала объяснять, что пока она рѣшила оставить дѣвочку у себя, положила ее спать у себя въ спальнѣ, но что дѣвочка страшно грязна, что ее приходится отучать отъ дурныхъ привычекъ, будить ночью, что отъ нея пахнетъ и пр., и пр.

Генераль, моргая, какъ пѣтухъ, круглыми глазами, смотрѣлъ на нее.

Анютка, между тѣмъ, подлизавъ варенье съ паркета и съѣвъ его съ ложки, покомкавъ и потеревивъ голую американскую, маленькую собачку Раисы Павловны, лежавшую клубкомъ на диванѣ и дрожавшую отъ холода, послушала, что говорятъ господа, вышла изъ гостиной и отправилась въ дѣвичью. Тамъ, въ крошечной комнатѣ,

заставленной корзинами, сундуками и чемоданами, Саша и горничная Пелагея набивали табакомъ гильзы, и запахъ табака былъ такъ силенъ, что первую минуту, при входѣ, захватывало дыханіе

Дѣвочка повертѣлась у стола, потрогала набитыя и еще пустыя гильзы, разорвала нечаянно нѣсколько пустыхъ, выслушала окрикъ старушки-горничной, выпила стаканъ чаю, принесеннаго черезъ нѣкоторое время Сашей въ бѣломъ отбитомъ чайникѣ, съѣла нѣсколько ломтиковъ апельсина, которымъ подѣлилась съ ней Саша же; поглядѣла на дворъ, гдѣ открытъ былъ каретный сарай, въ черныхъ воротахъ котораго изрѣдка выдвигался и блестѣлъ большой безпокойный глазъ запрягаемаго вороного жеребца и сверкало серебро насьчекъ на его темной сбруѣ. Поглядѣла на четырехъ большихъ собакъ Гогольцевыхъ, выпущенныхъ на дворъ, обнюхивающихъ осторожно, будто съ отвращеніемъ, каждый уголь и потомъ оставающихся у него, послушала, что говорила Пелагея съ вошедшимъ Харитономъ (говорили они намеками, такъ что понять ихъ было трудно), потомъ пошла въ спальню Раисы Павловны и, пріотившись на диванѣ, стала играть съ большой куклой изъ папье-маше, «жеванымъ Ванькой», какъ называла такихъ куколъ Гогольцева. Но игралось ей не долго. Она прислонилась головой къ спинкѣ дивана и съ страннымъ выраженіемъ лица стала переводить глаза съ одного предмета на другой, съ постели Раисы Павловны на туалетъ, гдѣ лежалъ густой слой пыли, съ пыли на пальцы, съ стоявшей на нихъ недоконченной тарелкой щей изъ кислой капусты и обглоданнымъ кускомъ чернаго хлѣба, съ тарелки и хлѣба на три большіе ящика съ серебромъ, поставленные на полу (Раиса Павловна говорила про эти ящики, что ихъ не успѣли еще убрать); съ пола на платяной шкапъ и на длинную бѣлую картонку на верху его, на ея цвѣтныя малиновыя и синія украшенія въ видѣ ромбовъ. (Анюткѣ мысленно все хотѣлось перевернуть ихъ и поставить такъ, чтобы они стали «какъ слѣдуетъ», «кубиками» — говорила она, поясняя свою мысль. Кубики ей подарили). Съ картонки она перебѣжала взглядомъ на корзину-гнѣздо, гдѣ спала только-что оцененная моска.

Богъ знаетъ, что происходило въ головѣ и душѣ ребенка, но вдругъ она усмѣхнулась, не открывая рта, встала ногами на диванъ и начала разглядывать себя въ зеркало, висѣвшее надъ диваномъ. Долго разглядывала она себя, оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, потрогала ладонями щеки, поправила завитки и вихорь на лбу, высунула кончикъ языка и бокомъ, черезъ плечо, постаралась увидѣть свою спину въ зеркалѣ, потомъ перевела глаза на шифоньерку, скрывавшую тайны туалета Раисы Павловны, вздохнула и вдругъ быстрымъ движеніемъ начала тереть щеки, задерживая дыханіе.

— Красныя теперь!.. — черезъ нѣсколько мгновеній вполголоса, улыбаясь, проговорила она, отнимая руки отъ лица, полюбовалась собой, сошла съ дивана, посадила куклу въ одинъ изъ его угловъ и направилась въ гостиную.

Гостиная оказалась полна народа. Кромѣ генерала въ ней сидѣли еще все сыновья Гогольцевой и товарищъ по полку одного изъ нихъ. Харитонъ выносилъ большой подносъ съ выпитыми стаканами чая, въ воздухѣ раздавался громкій говоръ, и голубоватыя полосы дыма стлались по комнатѣ отъ людей къ окну и къ двери.

— Ты чего!.. — строго встрѣтилъ-было Анютку одинъ изъ сыновей Гогольцевой, желая выпроводить ее изъ гостиной, но Раиса Павловна остановила его и велѣла Анюткѣ сѣсть возлѣ себя.

— Какъ вы можете такъ баловать эту обезьяну! — проговорилъ генераль. — Ее щипцами и то не захочется тронуть...

Литературный альбомъ. „Бахарахскій равнинъ“, легенда Генриха Гейне.

Рисунокъ академика М. Маймона, авт. «Нивы».

Литературный альбомъ. „Два брата“, стихотворение Генриха Гейне. Рисунокъ Н. Петровскаго, авт. «Нивы».

Раиса Павловна улыбнулась.

— Я люблю звѣрей и дѣтей!.. — отвѣчала она и, обнявъ одной рукой Анютку, прижала ее къ своей мягкой, полной груди.

Корсета дома Раиса Павловна не носила.

Разговоръ тѣмъ временемъ продолжался. Говорили объ опекахъ и о рассказѣ Толстого «Хозяинъ и работникъ». Приѣхавшій офицеръ восторженно хвалилъ рассказъ.

— Я... нѣ читаль... — сказалъ, наконецъ, генераль, интересовавшійся больше вопросомъ объ опекахъ и разспрашивавшій все время Раису Павловну, какъ идутъ ея дѣла, удалось ли ей смѣнить опеку у какихъ-то малолѣтнихъ родственниковъ и самой сдѣлаться опекуницей. — Я... нѣ читаль, — повторилъ онъ на вопросъ одного изъ сыновей Гогольцевой, обращенный къ нему. — Я вообще кромѣ газетъ ничего не читаю. Потому тѣмъ что-то про работу, заработанную плѣту... Я... не помѣщикъ... Не читаю... Приказаль, чтобы солдатамъ эта книжка не попадала...

— Ахъ, нѣтъ, мнѣ нравится, какъ онъ пишетъ! — заступилась Гогольцева. — Я читала его «Женщины большого свѣта». Очень интересно. Потому еще что-то... Да!.. «Хочу быть русской»...

Приѣзжій офицеръ смутился и покраснѣлъ.

— Это князя Мещерскаго, знаете, «Гражданина», — перебилъ онъ, покашливая.

— Ну, что тѣмъ интереснаго! — не слушая офицера, сказалъ генераль, вставая, и добавилъ: — Такъ я скажу Жюлі, что вы будете... И правда, кухня, мнѣ больше нравится, когда у васъ собаки, чѣмъ вотъ такое существо...

Онъ указаль на Анютку.

Гогольцева тоже встала и, улыбаясь глупой, но доброй улыбкой, проводила гостя въ переднюю.

Когда она вернулась, въ гостиной стоялъ стонъ отъ громкаго, почти не прерывавшагося смѣха.

Офицеръ рассказываль и показываль въ лицахъ послѣднюю исторію, случившуюся, по его словамъ, съ генераломъ. Хоронили въ N-скомъ полку мать поручика Тальквиста. Генераль шель за гробомъ и на подорогахъ подозваль Тальквиста и спрашиваетъ: «Тальквистъ, а гдѣ ваша матушка? Что я ея не вижу...»

— Понимаешь... — говорилъ товарищу офицеръ, заливаясь веселымъ смѣхомъ и обводя всѣхъ блестящими, влажными глазами. — Понимаешь, идетъ и все нетерпѣливѣе спрашиваетъ: «поручикъ Тальквистъ!.. Да гдѣ же ваша матушка?»... А всѣ молчатъ!.. И никто не рѣшается сказать ему, что m-me Тальквистъ въ гробу!.. Тальквистъ, понимаешь, послѣ удираль отъ него!.. Бѣдняга!..

— Онъ и сегодня никакъ не могъ понять, — выходя тавшись и утирая слезы, сказала Гогольцева: — никакъ не могъ понять, что Дмитрій Даниловъ ни при чемъ въ этой исторіи съ Анюткой... Пожалуй, станетъ еще теперь про него рассказывать...

И при мысли, что будетъ теперь рассказывать генераль, Раиса Павловна вновь залилась неудержимымъ хохотомъ, колыхавшимъ ея рыхлое, грузное тѣло.

А Анютка смотрѣла на господъ, тараща свои маленькіе голубые глазки, изрѣдка улыбалась, видя, какъ они хохочутъ, слушала и ничего не понимала, но въ душѣ ея, помимо ея воли и сознанія, оставался осадокъ, который походилъ на тотъ «arrière goût», какъ говорятъ французы, на то «воспоминаніе», которое бываетъ у людей послѣ прогорклаго масла или вообще испорченной пищи.

IV.

Прошло три года. Дѣло съ опекой давно окончилось къ удовольствію Гогольцевой. Прежніе опекуны были смѣнены, и опекуницей назначена Раиса Павловна. Она же выбрала себѣ и помощника, кого-то изъ при-

мого начальства одного изъ сыновей. Въмѣсто бывшей банальной, жалкой чиновничьей обстановки, въ квартирѣ Гогольцевыхъ явилась теперь «зала», купленная въ магазинѣ «Случайной мебели», за полторы тысячи, красная атласная гостиная въ стилѣ «empiré» и множество всякихъ крупныхъ и мелкихъ вещей, приобретенныхъ на аукціонѣ вещей у «разоренныхъ», по словамъ Гогольцевыхъ, прежней опекой дѣтей. Тамъ были куплены и лошади, и нѣсколько экипажей, и все это, конечно, поступило въ собственность Гогольцевой.

Квартира Раисы Павловны увеличилась на двѣ другія, соединенныя съ первою, и въ домѣ послышались новые дѣтскіе безпечные, громкіе голоса, новые крики, споры, смѣхъ и слезы, и появились новыя дѣтскія фигурки. Въ качествѣ бонны, къ нимъ была приставлена горничная, она же воспитанница Раисы Павловны, Саша; прежняя прислуга дѣтей — вся удалена. Анютка, съ перваго же дня появленія опекаемыхъ дѣтей, была переведена съ спальни барыни въ коридоръ.

— Грязна она страшно! — морщась и вмѣстѣ улыбаясь, говорила знакомымъ Гогольцева. — Она заражаетъ воздухъ... За все это время ее нельзя было отучить... Я думаю: придется ее отдать въ пріютъ...

И Раиса Павловна дѣлала серьезное лицо, но въ пріютъ Анютку все же не отдавала. Ей казалось, что Анютка принесла ей счастье съ опекой, и она боялась: а вдругъ счастье отвернется отъ нея, если она выгнать дѣвчонку. Къ тому же то, что случалось неприятнаго съ Анюткой, было явной примѣтой для дома: «къ прибыли», какъ твердо вѣрила Гогольцева.

Авдѣевъ получилъ назначеніе въ провинцію и такъ ни разу и не былъ у Раисы Павловны. Метрику Анютки пришлось отыскивать черезъ полицію, но метрика ея была у отца, пропавшаго безъ вѣсти, и ее такъ и не нашли. Нищіе и между ними Орѣхова, старуха въ военномъ пальто, подтвердили, впрочемъ, правдивость всего, рассказаннаго гусаромъ и дѣвчонкой.

Орѣхова, рассказывая, не умолкая, всякія исторіи, труся мелкой рысдой и опережая всѣхъ, повела Катерину и Сашу къ Фросинѣ и показала собачью конуру, въ которой жила дѣвчонка, показала и свое жильѣ и, на возгласы ужаса своихъ гостей, замѣтила:

— Что-жь?.. А мнѣ хорошо! Тутъ текѣтъ со стѣны-то... текѣтъ!.. А мнѣ ничего! Хорошо, мнѣ-то!.. А тутъ дверь примерзаетъ... Во!.. (Она заскорузлими, простуженными, грязными пальцами въ ревматическихъ или подагрическихъ опухляхъ отколупнула кусокъ снѣга и протянула его на ладони женщинамъ.) А мнѣ что?.. Тепло, мнѣ-то!.. — и, помолчавъ, добавила, видя слезы на глазахъ Катерины: — Да!.. Все мнѣ хорошо-то!.. Все, милая! Да!..

Катерина и Саша вернулись домой совсѣмъ растроганныя. Орѣховой онѣ дали денегъ, но адреса Анютки, слѣдуя строгому приказанію Гогольцевой, онѣ не дали. Сказали только, что она у богатыхъ господъ, и что ей хорошо. Господа добрые. Орѣхова перекрестилась и вѣдѣла кланяться Анюткѣ, но настаивать на адресѣ, — не настаивала.

Въ день посѣщенія кладбища кухаркой и Сашей, Анютка получила отъ Катерины лишній пирожокъ, отъ Раисы Павловны новую игрушку и отъ Саши нѣсколько поцѣлуевъ и объятій.

На слѣдующій же день все пришло въ норму. Впрочемъ, происходило это въ то время, когда Анютка, на положеніи незаконной, хотя и вышучиваемой, дочери Авдѣева, жила еще съ господами, ѣла за столомъ и вечера проводила въ гостиной, сядя «на счастье» то у хозяйки, игравшей въ карты, то у кого-нибудь изъ гостей партнеровъ.

Потомъ, когда Авдѣевъ уѣхаль, не повидавшись съ ребенкомъ, когда Раисѣ Павловнѣ надоѣло предаваться «сентиментамъ», какъ выражался одинъ изъ жившихъ

бѣдныхъ племянниковъ, Иванъ Михайловичъ, съ первыхъ дней противъ Анютки, когда Сашѣ относилъ въ спальню Раисы Павловны засыпанную за господскими картами дѣвочку, Анютка, мало-помалу изъ гостиной перешла въ дѣвичью, а изъ дѣвичьей въ кухню. Переходъ этотъ совершился просто, не рѣзко и былъ такъ неизбѣженъ по ходу вещей фактовъ и обстоятельствъ, что врядъ ли Анютка почувствовала, какъ онъ совершился. Дѣвочки просто стали гнать изъ гостиной: «пойди въ дѣвичью посиди тамъ»,—говорили ей, и Анютка, какъ опеканье опекаемые сироты, толкавшаяся взадъ и впередъ весь день по квартирѣ, изъ кухни въ гостиную, изъ гостиной въ спальню и опять на кухню, Анютка изъ дѣвичьей пила чай или кофе, ѣла апельсинныя корочки изъ окна. Когда же ей надоѣдало смотрѣть на улицу и слушать разговоры горничныхъ и заходивших въ гости лакеевъ и денщиковъ, кричавшихъ на нее, Анютку, она шла въ буфетъ или въ тамъ прислушивалась къ бесѣдамъ полюбившейся ей кухарки съ судомойкой и приходившими на кухню разными людьми: почтальономъ, мальчикомъ изъ магазина, горничникомъ, нищимъ, монахиней, собиравшей на улице, и пр., и пр. Всякаго народа на кухню приносило много.

Анютка изъ дома ее не выпускали. Гогольцева брала Анютку съ собой, когда выѣзжала раза два въ недѣлю, и Анютка (съ прислугой она не гуляла); но ребенка-бродягу она вывела на улицу, и впоследствии, по просьбѣ Катерины, Анютку позволили ходить на рынокъ. Саша тоже стала брать Анютку съ собой, когда изрѣдка ходила въ судомойку или въ Гостинный дворъ. Но всего этого каза-лось дѣвчкѣ. Дома ей нечего было дѣлать. Учить Анютку не учили, съ куклой играть ей надоѣдало, и Анютка мало-помалу стала посылать дѣвочку вмѣсто игрушекъ въ мелочную и сливочную.

Смотри только, чтобы молодые господа не встрѣтились! — шопотомъ, подмигивая, говорила она, провожая Катерину на черную лѣстницу радостную Анютку, и Анютка осторожно озиралась, страшась прихода горничной Катерины, совавшейся всюду, сплетничавшей и желавшей командовать, какъ думала и Катерина, и другіе. — Не барышня!..—говорила она судомойкѣ, притворно открывая лѣстницу дверь.—Такъ-то хоть за дѣломъ будетъ. Катерина что? Шляется, шляется, противно смотрѣть. То Катерина поглотаетъ, то морковку схватитъ. Намедни Катерина сахаръ стащила. Ей-Богу!..

— Шля-ты! — откликнулась судомойка, попивая чай въ буфетѣ, и она поддакивала во всемъ Катеринѣ въ благодарность за то, что Катерина жалѣетъ ея старыя вещи. Саша тоже ничего противъ не имѣла, чтобы Анютка была дѣвчонкой на побѣгушкахъ. Вначалѣ, Катерина привезли и отдали ей на попеченіе, она полагала, что Катерина не зависть, а какое-то глухое негодование.

— Я-то, я, подкинутаая Раисѣ Павловнѣ, когда мнѣ надо было мѣсяцевъ, да и подкинутаая ли еще!—думала Анютка, спавшая въ люлькѣ съ кисейнымъ пологомъ и бантомъ, это я-то, я буду вычесывать, мыть, вытирать на рукахъ изъ гостиной это нищенское платье отродье?..»

Саша плакала, вспоминая свое прежнее дѣтское платье, бѣлыя вышитыя платья по воскресеньямъ и маленькое мало-помалу на роль прислуги.

— Ну, да и ея пѣсенка будетъ не долга!.. — пророчески въ вѣстѣ злобно утѣшала она себя и въ душѣ чувствовала, что это будетъ такъ, навѣрное будетъ, но Анютка съ нетерпѣніемъ ждала, когда ожиданіе ея перестанетъ быть ожиданіемъ и перейдетъ въ дѣйствительность. — Я блѣднѣла, и зеленѣла, при покушкѣ Раисой Анютки игрушекъ и платьевъ Анюткѣ, при видѣ этой

вшивой Анютки, на господскомъ положеніи, «кушающей» въ столовой, выѣзжающей съ Гогольцевой!..

А Анютка, дѣйствительно, въ то время была на зенитѣ своего земного благополучія. Раиса Павловна на Рождествѣ сдѣлала для нея елку, кромѣ игрушекъ купила ей въ Гостиномъ дворѣ готовое розовое шерстяное платье, обшито блондой, и Анютка предстала вечеромъ передъ карточными друзьями Гогольцевой и другими приглашенными, въ этомъ платьѣ, съ худыми голыми руками и шеей, въ бѣлыхъ нитяныхъ спадавшихъ чулкахъ, черныхъ прюнелевыхъ ботинкахъ, вся въ мелкихъ кудряхъ, какъ шкурка игрушечнаго, плохо сдѣланнаго барана.

— Нѣтъ, удивительная доброта! — громко, такъ что она слышала, шептали вокругъ Гогольцевой ея карточные партнеры, и она, слыша, расплывалась въ довольную улыбку и махала рукой:

— Полноте!..

Одинъ Иванъ Михайловичъ, племянникъ Гогольцевой и врагъ Анютки, не восторгался теткинкой добротой и выказывалъ свое неодобреніе тѣмъ, что всякій разъ, когда дѣвочка нечаянно приближалась къ нему, шопотомъ гналъ ее отъ себя, прибавляя какое-нибудь непечатное слово.

По присужденіи опеки Раисѣ Павловнѣ, елка для Анютки уже не дѣлалась. Дѣлалась она для опекаемыхъ дѣтей. Анютку же въ длинномъ ситцевомъ платьѣ вводили при гостяхъ въ залу на короткое время, дарили вещами и сладостями, приказывая ей въ полголоса: «держи, держи руками подолъ», клали въ подолъ вещи, т. е. подарки и сладости, велѣли кланяться, и затѣмъ Анютка уходила съ Сашей на кухню.

— Отчево-о?.. — первое время ныла, уходя, Анютка, но ей не давали отвѣта и влекли дальше.

Вообще за эти три года бывшая нищенка стала быстро знакомиться съ капризами судьбы, съ ея «ups and downs», какъ говорятъ англичане (пословица, которая по-русски передается выраженіемъ: «на конѣ и подъ конемъ»), и ужъ ничему не удивлялась. Кромѣ того, за эти года она многое узнала и изъ жизни генеральскаго пріюта.

Она знала, что кухарка Катерина надуваетъ «саму генеральшу», что приписываетъ по счетамъ, если что на деньги покупаетъ, а то такъ ей платятъ мясники и другіе поставщики помѣсячно, и знала, что иначе поступать нельзя, такъ какъ надо скопить гроши къ старости, чтобы подъ заборомъ не околѣть, а какъ же ихъ скопишь, коли не такъ?.. Знала, что въ буфетѣ лакей и денщикъ, и кухонный мужикъ пьютъ потихоньку отъ господъ вино и ѣдятъ закуски и вообще, что осталось со стола, и потомъ говорятъ, что ничего не оставалось. Знала, что сама генеральша надуваетъ кого-то, поважнѣе ея, что она разговаривала съ окологороднымъ и городовымъ и общалась какъ-то поблагодарить ихъ, если они скажутъ гдѣ-то, кому-то, что она, генеральша, бѣдная, «что у нея квартира махонькая», и чтобы ей продлили какую-то пенсію, аренду и «мритуру». Знала, что какъ-то за обѣдомъ принесли какую-то бумагу въ большомъ конвертѣ съ сургучной печатью, и что Гогольцева, прочтя ее, перекрестила, сияя, свою грудь мелкими крестами, потомъ велѣла послать къ себѣ городского и дала ему 10 рублей.

Знала дѣвочка, и кто къ кому ходитъ, и кто куда ходитъ. Знала, что къ Катеринѣ ходитъ солдатъ, для котораго она «особо и пироги пекѣтъ», и такъ, что повкуснѣе со стола даетъ: телятины кусокъ, или индюшки, или чего тамъ другого... Знала, что утромъ генеральша желтая-желтая, старая-старая, а потомъ намажется и станетъ бѣлая да красивая... Знала, что къ генеральшѣ тоже ѣздитъ господинъ, и что они сидятъ, запершись въ гостиной, не зажигая ни лампъ, ни свѣчей, а что

Молодая картошка. Картина М. Будинского, авт. «Нивы».

Плѣнный японецъ. Рисунокъ нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

сынъ старшій прїѣдетъ и кричить: «Харитонъ, отчего лампы не зажжены?..» и велитъ всѣ зажечь, а генеральша потомъ плачетъ, сердится на сына... Знала всѣ домашнія сплетни, все, что рассказывала другъ про друга и про господъ прислуга, и что господа говорили про прислугу и про другихъ господъ... Знала все дурное, что происходило въ семьѣ, и смотрѣла на все жадными, любопытными, открытыми глазами.

Разъ какъ-то генеральшина сестра, тоже генеральша, стала хвастать за обѣдомъ своимъ цвѣтомъ лица; намочила въ водѣ платокъ и вытерла имъ лицо, предложивъ послѣ обѣда вымыть лицо при всѣхъ мыломъ. Всѣ гости сначала молча смотрѣли, какъ генеральша утиралась, потомъ стали поздравлять ее, восхищаться чѣмъ-то, а генеральша Маргарита Павловна сидѣла, улыбаясь, довольная, румяная... И вдругъ взрослый сынъ ея схватилъ изъ судка графинчикъ съ масломъ, обмакнувъ въ него палецъ и раньше, чѣмъ кто могъ сообразить, мазнулъ мать по щекѣ... Она вскрикнула, хотѣла-было откинуться, но это было ужъ ни къ чему: сынъ показывалъ всѣмъ палецъ, красный отъ румянъ, а у генеральши ярко желтѣла полоса на щекѣ... Всѣ тогда много хохотали, хохотала и Анютка, и больше всѣхъ сама Раиса Павловна, хотя она и выговаривала племяннику, что такъ поступать не годится, что онъ оскорбилъ мать при всѣхъ; генеральша же мать вышла изъ-за стола, прошла въ спальню къ сестрѣ и тамъ засѣла, называя сына подлецомъ и разливаясь... Къ ней пришла старуха Пелагея, бывшая горничная еще ея покойной матери, и стала утѣшать ее и говорить, что она разбаловала дѣтей, что ихъ надо бы держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Потомъ Пелагея позвала Анютку и приказала ей принести сахарной воды изъ столовой. Анютка принесла, и долго, и упорно, пока ее не выгнали, вглядывалась въ плачущую барыню, силясь, казалось, что-то понять и сообразить, и послѣ внимательно вслушивалась во всѣ разговоры и у господъ, и на кухнѣ, касавшіеся исторіи съ пальцемъ и масломъ.

Въ душѣ ея что-то происходило, что-то складывалось «годное», руководящее на всю жизнь. Одного только дѣвочка пока постигнуть не могла: отчего дѣлать все можно, но рассказывать о дѣлаемомъ иногда было можно (и тогда смѣялись), а иногда было нельзя. Тогда иногда драли за уши, а то такъ даже разъ высѣкли... (Это случилось, когда Анютка упомянула при сынѣ, что былъ «господинъ» у Гогольцевой). Черезъ годъ послѣ прибытія дѣвочки къ Раисѣ Павловнѣ, Гогольцева, рассказывая о ней разспрашивавшимъ ее знакомымъ, говорила всегда удрученнымъ голосомъ, поджимая губы:

— Ухъ!.. Ничего изъ нея не выйдетъ!.. Испорченная натура!..

И трясла головой.

— Неужели?—соболезнующе откликнулись знакомые и, съ интересомъ выслушивая о продѣлкахъ Анютки, начинавшей таскать разныя ленточки, цвѣточки, платочки, конфеты и пр. и прятать все это подъ тюфякъ, добавляли, хмурия брови: — Что вы хотите?! Ничего не подѣлаешь!.. Наслѣдственность!..

— Да, и знаете, что самое ужасное? — говорила Гогольцева.—Станешь ей выговаривать... ну, знаете, говорить ей, что воровать не хорошо, что воровать грѣхъ,— Раиса Павловна подымала указательный палецъ: — что Богъ не дастъ счастья, накажетъ, она стоитъ, какъ деревянный чурбанъ. Глаза опустить, руки вотъ такъ. — Гогольцева показала, какъ стискиваетъ руки Анютка, — и ухомъ не ведеть... Прескверная дѣвочка!..

— Да вы отдайте ее въ прїютъ, — совѣтовали знакомые. — Что вамъ съ нею возиться!.. Можно себя представить, что она видѣла и слышала на кладбищѣ!..

— Въ прїютъ ее!—наставляли и сыновья Гогольцевой.

— Ее бы въ прїютъ надоть. Тамъ хоть чему-нибудь научать, — говорила и прислуга, особенно кухарка Катерина. — А то здѣсь все зря болтается. Намеднясь чуть кипятокъ себя не ошпарила: отошла я отъ плиты, гляжу, а она тутъ, какъ тутъ!.. Подошла къ плитѣ, взяла шумовку и полѣзла къ кастрюлѣ. Я какъ крикну: «чего ты, паскуда этакая!..» Прости, Господи... Извините меня за мои слова, ваше превосходительство, — перебывала себя кухарка, если рассказывала про Анютку генеральшѣ, и застѣнчиво закрывала ротъ концомъ фартука.

А Гогольцева съ задумчивымъ видомъ выслушивала и знакомыхъ, и сыновей, и кухарку, и другого кого изъ прислуги, соглашалась со всѣми, что слѣдовало бы отдать и все же боялась отдать Анютку въ прїютъ. На то у нея были свои особые причины и соображенія, какъ были и особые отношенія къ Богу.

Съ Нимъ она постоянно вступала въ договоры. Подавала нищему мѣдную или серебряную монету и ждала, что Онъ зато пошлетъ ей выигрышъ въ карты, или здоровья, или еще что прїятное или хорошее; помогала какой-то сумасшедшей, приходившей ежемѣсячно за подачкой, чтобы сыну Павлу по службѣ не было неприятностей. Давала другой бѣдной также помѣсячно, чтобы и сынъ Василій былъ здоровъ и счастливъ, и т. д. Анютку же она общалась держать дома, если Богъ пошлетъ опеку. Какъ же было поступить теперь?..

И Анютка жила и жила себя въ домѣ Раисы Павловны, пока два случая, повторенные одинъ отъ другого на разстояніи двухъ мѣсяцевъ, не рѣшили иначе.

(Продолженіе будетъ).

М е с т ь .

Пробилъ часъ условной встрѣчи:
Жду и жду... Ты не идешь;
Угасаютъ грустно свѣчи,
Въ сердцѣ холодъ... въ тѣлѣ дрожь...

Знаю, ревностью волнуемъ,
Что теперь, во тьмѣ ночной,
Отдалась ты поцѣлуймъ
Предпочтеннаго тобой.

Гордый призрачнымъ успѣхомъ
И сознаемъ, что любимъ,

Онъ смѣется звонкимъ смѣхомъ
Надъ соперникомъ своимъ.

Положди!.. Настанетъ время,
Все промчится, какъ во снѣ—
Увлеченія сбросивъ бремя,
Ты вернешься вновь ко мнѣ.

И придетъ тогда расплата...
Я жестоко отомщу:
Въ часъ свиданья, въ часъ возврата—
Все забуду и... прощу!

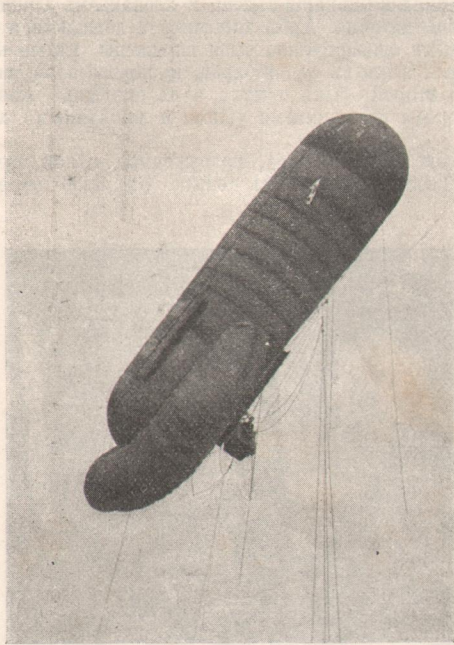
В. Мазуркевичъ.

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Деревня Путунде *).

Капитанъ С* былъ командированъ штабомъ арміи въ городъ Фушунь для маршрутныхъ съемокъ и для ознакомленія съ тыловыми дорогами. Инструментальныхъ картъ этого района тогда еще не было,

Воздушный шаръ съ крейсера „Россія“.
По фот. П. Агапитова, авт. «Нивы».

а также не существовало еще вѣтки на Фушунь. Капитанъ взялъ съ собой четырехъ вѣстовыхъ, изъ которыхъ одинъ ефрейторъ Бурлаковъ долженъ былъ служить переводчикомъ. Его навязалъ ему начальникъ штаба N корпуса, какъ чело-
вѣка, знающаго языкъ и необходимаго въ сношеніяхъ съ китайцами. Отъ переводчика капитанъ отказался наотрѣзъ, во-первыхъ, потому, что онъ вообще держался того мнѣнія, что китайцамъ нужно какъ можно меньше довѣрять, а во-вторыхъ, не

Мальчикъ Н. Зуевъ, прославившійся смѣлой развѣдкой и доставкой донесеній изъ Портъ-Артура въ армію Куропаткина.
По фот. П. Агапитова, авт. «Нивы».

выносилъ близости китайцевъ за то, что они ѣдятъ черемшу. Да и вообще переводчика онъ считалъ лишнимъ, такъ какъ его занятія не бу-

*) По-китайски *Пу тунде* значить не понимаю.

дуть имѣть никакого отношенія къ населенію. Поэтому ефрейтора Бурлакова онъ взялъ какъ лишняго вѣстового. Разсчитывая пробить на съемкѣ дней пять, капитанъ взялъ съ собой вьючную лошадь съ чеходомъ-кроватью, поставцомъ въ видѣ корзинки, которая со строгимъ расчетомъ была наполнена десяткомъ жестянками консервовъ, галетами, двумя жестянками сгущеннаго молока, кой-какой закуской, чаемъ, сахаромъ и двумя бутылками коньяку.

Отъ бивака штаба Фушунь находился верстахъ въ шестидесяти Капитанъ рѣшилъ пробить это разстояніе въ одинъ день.

Дѣло было лѣтомъ, а потому онъ сѣлъ на лошадь часовъ въ 5 утра, проѣхалъ шагомъ до 12-ти, а когда солнце стало сильно припекаать, остановился въ кумирнѣ, стоявшей на небольшомъ холмикѣ. Сойдя съ коня, онъ вошелъ во дворикъ, густо заросшій травой, съ двумя пушистыми соснами и съ большой металлической урной посрединѣ. Во дворѣ было прохладно, но еще прохладнѣе въ самой моделинѣ, куда онъ велѣлъ вѣстовому принести скатанную шинель. Въ кумирнѣ ничего не было, но на среднемъ столѣикѣ тлѣли свѣчи. Капитанъ прошелся мимо стоящихъ на возвышеніи у стѣнъ боговъ изъ раскрашенной глины и машинально постучалъ нѣкоторыхъ рукояткой нагайки по груди, такъ какъ ему пришелъ на память разсказъ о томъ, что китайцы своимъ богамъ во время ихъ изготовленія вкладываютъ въ грудь серебряныя и даже золотыя дощечки.

Но въ общемъ боги, оригинальная живопись на стѣнахъ кумирни и атрибуты священодѣйствія его мало интересовали, потому что ко всякой китайщинѣ онъ относился съ презрѣніемъ. Единственно, что въ этой странѣ его интересовало или, лучше сказать, интриговало и раздражало—это таинственность китайскихъ женщинъ. Въ деревняхъ, гдѣ останавливался штабъ, большая часть жителей, а женщины безусловно всѣ, заранее высеялись. Въ Мукденѣ, на улицахъ, онъ встрѣчалъ женщинъ, но это были большею частью старухи, а если иногда и попадались молодыя, то уроды. Между тѣмъ, нельзя же допустить, чтобы въ Манчуріи не было красивыхъ женщинъ. Между мужчинами-китайцами, изъ которыхъ большинство толстогубые, плосконосые, съ припухшими вѣками, попадаются красавцы даже съ европейской точки зрѣнія. Гдѣ же красивыя китайки? Нѣтъ такой страны, гдѣ бы среди массы уродовъ, которыхъ вездѣ много, не было красивыхъ женщинъ! Въ городахъ, занятыхъ русскими, ихъ, конечно, прячутъ (такой ужъ идиотскій народъ), но въ деревняхъ, гдѣ русскій офицеръ можетъ безпрепятственно войти въ каждую фанзу, ихъ не спрячешь.

Догадливый вѣстовой успѣлъ въ сосѣдней фанзѣ, гдѣ жилъ монахъ со своимъ слугою, разогрѣть кипятокъ и заварить чаю и вмѣстѣ съ галетами, раскрытой коробкой сардинокъ и бутылкой коньяку, все это принесть въ кумирню. Капитанъ съ удовольствіемъ позавтракалъ и закурилъ сигару. Въ это время въ кумирню вошелъ монахъ съ бритымъ лицомъ и съ коротко остриженными волосами. Это былъ красивый мужчина лѣтъ тридцати пяти, съ мелкимъ носомъ, но съ чертами лица весьма правильными и наружностью поразительно напоминалъ польскаго ксендза. «Вѣдь вотъ есть же между мужчинами красивые»,—подумалъ капитанъ.

Монахъ низко поклонился ему и сталъ что-то говорить.

Приготовленіе шара къ полету на крейсере „Россія“.

По фот. П. Агапитова, авт. «Нивы».

Капитанъ крикнулъ Бурлакова и велѣлъ ему переводить слова монаха.

Бурлаковъ нѣсколько времени сосредоточенно смотрѣлъ въ ротъ монаху и, когда тотъ прервалъ свою рѣчь, то онъ сталъ излагать слѣдующее:

— Такъ что, ваше благородіе, онъ, стало-быть, вообще доказываетъ, какъ онъ, стало-быть, всёмъ доволенъ... и вообще, стало-быть, никакого безобразія и прочаго подобнаго...

— Ну, это, братъ, что-то не такъ... А спроси-ка его, есть у него тутъ... женщины или онъ одинъ.

— Гм... ходи... стало-быть, какъ это у васъ касательно этого самаго... мадама ю?

— Ме ю!.. Ме ю!..—залепеталъ китаецъ и сталъ отмахиваться руками, смѣясь въ то же время веселымъ и задорнымъ смѣхомъ и показывая свои крупные бѣлые зубы.

— А спроси-ка, курить онъ опій.

— Ходи, это, стало-быть, опій кури-кури?

Монахъ опять замахалъ руками и опять захохоталъ.

доказываетъ, что, стало-быть, ежели ѣхать въ городъ Фушунъ, такъ по этой вотъ дорогѣ, все прямо... прямо... а потомъ дальше... тамъ ужъ видно будетъ...

Партія поѣхала впередъ по дорогѣ, извиляющейся мимо галяновыхыхъ и чумизныхъ полей.

Проѣхали мимо многихъ деревень, гдѣ со дворовъ выбѣгали голые ребятишки, съ тѣлами шоколаднаго цвѣта и съ красными ленточками въ косичкахъ. По дорогѣ попадались арбы, нагруженные кругами бобовыхъ жмыховъ, и тогда воздухъ оглашался криками «іо!.. іо!..», замѣняющими наши возжи, и хлопаньемъ длиннѣйшихъ бичей возницы-китайца. Арбы тащились и лошаадьми, и волами, а въ нѣкоторыхъ одновременно были впряжены цѣлыя коллекціи четвероногихъ. Такъ, въ одной арбѣ, въ первой парѣ, шель осель и лошадь, во второй—быкъ и мулъ, а въ оглобляхъ животное неизвѣстной породы съ длинными ушами и лошадинымъ хвостомъ.

Уже къ вечеру повстрѣчалась арба, нагруженная цѣлой кучей женщинъ и дѣтей, набившихъ ее, какъ телята. Это было пересе-

Адмиралъ
Греве.

Генераль
Ласкинъ.

Командиръ 31-го Вост.-Сиб. стрѣлк. полка.

Ген.-лейт. Г. Н.
Казбекъ, коменд.
крѣп. Владив.

Ген. Фурсъ-
Журневичъ.

Герман. воен.
агентъ фонъ
Тодтъ.

Генераль
Лай-
мингъ.

Генер.
Ала-
лаевъ - Кара-
георгій.

Группа офицеровъ 31-го Вост.-Сиб. стрѣлк. полка во Владивостокѣ. По фот. авт. «Нивы».

«Вреть, подлець, курить, — подумалъ капитанъ: — отъ самого такъ и разить».

Дѣйствительно, отъ складокъ платья и отъ всей фигуры монаха, какъ только онъ вошелъ въ кумирню, распространился тонкій сладковатый и всегда выдающій себя запахъ дыма опія.

Капитанъ тоже засмѣялся, потрепалъ по плечу монаха и далъ ему серебряный рубль, чѣмъ тотъ остался очень доволенъ, про-бормотавъ при этомъ нѣсколько словъ.

— Это онъ благодарить ваше благородіе, — перевелъ Бурлаковъ, собирая посуду.

— Это я и безъ тебя понимаю. Однако, ты, я вижу, по-китайски говоришь столько же, сколько и я...

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, оны меня понимаютъ.

— Они-то тебя понимаютъ, да ты-то ихъ не понимаешь. Ну, собирайся живѣй.

Капитанъ вынулъ изъ сумки карту, плохую двадцативерстку, и компасъ, чтобы по возможности ориентироваться въ дальнѣйшей дорогѣ. Кстатѣ онъ воспользовался присутствіемъ монаха, который провожалъ его за ворота двора и постарался съ нимъ объяснить уже безъ помощи переводчика.

Выйдя съ нимъ изъ воротъ, онъ указалъ рукой въ разныя стороны и вопросительнымъ тономъ произносилъ:—Фушунъ?

Монахъ моментально понялъ его. Остановилъ его руку и указалъ направленіе по дорогѣ и уже утвердительно повторилъ нѣсколько разъ:—Фушунъ.

— Это онъ, ваше благородіе, — старался перевести Бурлаковъ:—

лявшиеся семейство. Сзади ѣхала другая арба, нагруженная имуществомъ. Мужчины шли пѣшкомъ. Впрочемъ такой комфортъ предоставлялся женщинамъ не изъ уваженія къ нимъ, а просто потому, что большинство изъ нихъ, имѣя маленькія исковерканныя ноги, пѣшкомъ ходить совершенно не могутъ. Одна изъ женской компаніи показалась капитану недурненькой. Это была дѣвушка, судя по ея косѣ и спущенной на лобъ и подстриженной челкѣ, какъ когда-то была въ модѣ прическа и у насъ. Можно только сказать, что китайки у насъ этой моды не заимствовали, какъ китайцы вообще ничего не заимствовали въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, а крѣпко держались своихъ порядковъ и привычекъ.

Изъ арбы были видны только гладко зачесанные волосы съ челкой на лбу, черные глаза съ чуть приподнятыми наружными краями, да густо наруганные щеки и губы молодой китайки. Она напоминала лицомъ нашихъ хохлушекъ. Даже загаръ былъ легкой украинской, а не манчжурской.

Капитанъ остановилъ коня у самой арбы и, указывая на лежащую впереди деревню, спросилъ у возницы, въ то же время внимательно осматривая пассажирокъ:

— Ходи! Какая деревня? А? Фамилія деревни какъ?

— Пу-гунде...—отвѣчалъ «ходя», поспѣшно погоняя бичомъ свою зоологическую коллекцію.

Арба проѣхала мимо. При звукѣ голоса офицера всѣ женщины повернули къ нему свои затяжки, а нѣкоторыя даже вткнулись въ арбу, только молодая китайка не отвернулась и продолжала съ любопытствомъ смотрѣть на него, полукривя свой кукольный

ротъ, за что получила пинка въ бокъ отъ сидѣвшей рядомъ старухи.

Этимъ, ничего незначущимъ взглядомъ капитанъ, однако, былъ очень польщенъ.

«Да...—глубокомысленно разсуждалъ онъ:—Манчжурія вовсе не такая унылая страна, какъ это кажется при первомъ знакомствѣ. Надо ее поближе узнать...»

Впереди лежащая деревня тонула въ густой зелени. Съ краю роши нѣсколько фанзъ вползали на подошву сопки, всю заросшую кустами, а выше вѣхъ стояла чистенькая кумирня съ бесѣдочно-колокольней, обнесенная красивой ажурной стѣной, затѣйливо сложенной изъ сырцеваго кирпича. Внизу бѣлѣлъ обрывистый берегъ песчаного русла высохшей рѣки, гдѣ копошились неизбежные шоколадные китайчата.

Дальше къ сѣверу, на обрывистой скалѣ виднѣлась башня, а подъ скалой темныя стѣны и ворота города. Это и былъ Фушунь.

Деревня понравилась капитану. Онъ посмотрѣлъ на часы въ ко-

— Цуба! цуба!..*)

— Что онъ тамъ скандалить.—промолвилъ капитанъ, уже стоя на землѣ.—Пооди скажи, что я ему этого вовсе не приказывалъ.

Другой вѣстовой направился въ фанзу.

«Хорошъ переводчикъ,—подумалъ капитанъ.—А дѣйствительно, настоящий переводчикъ былъ бы, пожалуй, не лишнимъ...»

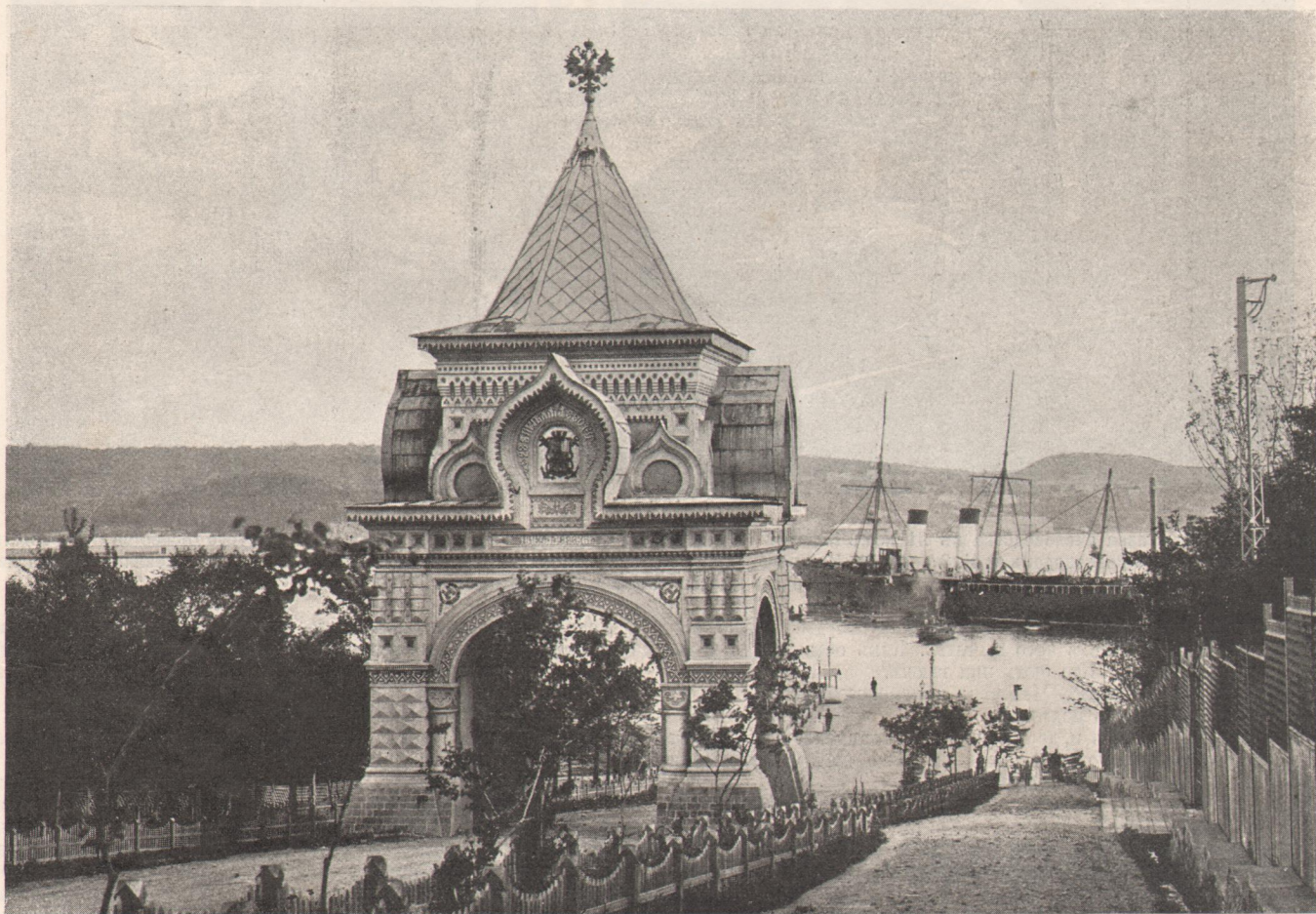
Изъ фанзы еще донеслось нѣсколько энергичныхъ возгласовъ Бурлакова «цуба!..» и, наконецъ, онъ самъ появился на дворѣ и объявилъ, что половина фанзы очищена.

Его фуражка сползла на затылокъ, и по лбу струился потъ.

— Какой ты, братецъ, оселъ!—съ досадою сказалъ ему капитанъ.—Если не умѣешь съ ними говорить, то нечего было и браться...

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, они меня понимаютъ...

Капитанъ вошелъ въ правую половину фанзы. Въ среднемъ небольшомъ помѣщеніи, гдѣ находились топки кановъ, стояла пожилая и довольно безобразная китаянка съ палкой въ рукахъ и не-

Владивостокъ. Адмиральская пристань и крейсеръ „Алмазь“, прорвавшійся во время Цусимскаго боя во Владивостокъ. По фот. авт. «Нивы».

жаномъ браслетѣ. Было около семи. Цѣлдневная дорога по жарѣ его страшно утомила.

— Деревня Путунде,—промолвилъ онъ.—Вотъ мы въ этой самой Путундѣ и заночуемъ.

Онъ послалъ впередъ Бурлакова высмотрѣть фанзу почише, а когда подъѣзжалъ къ деревнѣ, то тотъ уже встрѣтилъ его съ докладомъ, что фанза готова. Бурлаковъ все дѣлалъ очень быстро и рѣшительно и любилъ не въ мѣру поусердствовать.

Когда вѣхали во дворъ избранной фанзы, то капитанъ спросилъ у Бурлакова, занята ли она. Но и такъ было видно, что фанза очень даже занята. Во дворѣ подъ навѣсами изъ гаоляна стояла всякая скотинка и кругомъ путешественниковъ уже собралась цѣлая толпа дѣтей и молодыхъ китайцевъ. Въ дверяхъ фанзы стоялъ старикъ и курилъ трубку, равнодушно глядя въ сторону, точно дворъ былъ пустой.

— Тутъ, ваше благородіе, всѣ хванзы заняты,—заявилъ Бурлаковъ, соскочивъ съ лошади и придерживая правое стремя капитанскаго сѣдла.

— Ты скажи-ка имъ, что я у нихъ переночую и заплачу за ночлегъ. Пускай мнѣ отвѣдутъ одну половину фанзы, а сами перейдутъ въ другую.

— Слушаю-съ.

Бурлаковъ передалъ поводья одному изъ вѣстовыхъ, а самъ стремительно бросился въ фанзу, точно бралъ ее штурмомъ. Старикъ едва успѣлъ отскочить въ сторону. Черезъ нѣсколько секундъ изъ фанзы уже доносились повелительные крики Бурлакова:

дружелюбно посматривала на вошедшихъ. Офицеръ, желая установить добрыя отношенія съ обитателями дома, постарался объяснить ей, что за все будетъ заплачено. Чтобы выразить это болѣе понятно, онъ далъ ей рубль, который китаянка взяла не особенно охотно. Но это видѣлъ старикъ, вмѣстѣ съ нимъ вошедшій въ фанзу, и сейчасъ же оцѣнилъ мирныя стремленія капитана. Онъ знаками пригласилъ его войти въ чистую половину фанзы: въ рукахъ его очутилась метелка, которою онъ сталъ сметать пыль съ кановъ, приглашая гостя садиться. Затѣмъ онъ сталъ что-то говорить, но капитанъ опять-таки знаками объяснилъ, что ему ничего не надо и единственно, что онъ попроситъ, это разогрѣть горячей воды. Старикъ кивалъ головой, но очевидно ничего не понялъ и ушелъ. Объясниться было довольно трудно. Капитанъ еще разъ пожалѣлъ, что не взялъ съ собою толковаго переводчика. Къ тому же случилось происшествіе, которое поставило его въ крайнее затрудненіе.

Пришелъ Бурлаковъ и, стоя въ дверяхъ, доложилъ, что во время пути съ вьючнаго сѣдла сорвалась корзина, въ которой заключались съѣстные припасы. Это событіе не только не смущало Бурлакова, но, повидимому, даже радовало его. Онъ говорилъ съ отѣтникомъ ироніи. Онъ былъ доволенъ, что виновнымъ оказался не онъ, а другой.

— Экій мерзавецъ!—вспылилъ капитанъ.—Значитъ, у насъ теперь ничего нѣтъ?

*) Цуба!—вонъ отсюда!

Всероссийская выставка пчеловодства въ Лѣсномъ Корпусѣ (Петербургѣ). Общій видъ пастѣки и части сада Русскаго Общества Пчеловодства. Экспонаты съ пастѣкъ пчеловодовъ Ѳ. И. Зубова, И. Н. Прокофьева и Русскаго Общества Пчеловодства. Металлическія и деревянныя принадлежности пчеловодства. По фот. авт. «Нивы»..

— Такъ точно—ничего. Ни консервовъ, ни посуды... Даже чаю вашему благородію не изъ чего выпить... Какъ есть ничего нѣтъ.

— Экій мерзавецъ... Кто былъ при выюкѣ?

— Павелъ Гришуткинъ... Человѣкъ неприспособленный.

— Позови сюда этого подлца!..

Пришелъ Гришуткинъ и, держа руку подъ козырекъ, остановился въ дверяхъ. Изъ-за его плеча, рукъ и даже ногъ выглядывали черномазья китайскія физиономіи...

— Ты что со мной, каналы, сдѣлалъ?!.. А?!.. Не могъ доглядѣть! Гдѣ у тебя глаза? А?!

Солдаты заморгали глазами, въ ожиданіи болѣе ощутительнаго внушенія отъ начальства, которое подходило къ нему, заложивъ руки въ карманы.

— Ступай и скажи сейчасъ же назадъ и найди мнѣ поставецъ.

— Я ужъ ѣздилъ, ваше высокоблагородіе... до самой кумирни... видно, китайцы подобрали...

— Китайцы, китайцы! Вы рады все сваливать на китайцевъ.

Капитанъ прошелся по фанзѣ.

— Что я теперь буду ѣсть?..

— Можно курицу, ваше высокоблагородіе,—робко замѣтилъ виновный.

— Я тебя не спрашиваю. Ступай. Пріѣдемъ въ штабъ, я съ тобой раздѣлаюсь.

Солдаты, не опуская руки отъ козырька, круто повернулись, хвативъ по физиономіи одного изъ лобопытныхъ китайцевъ и вышлепъ изъ фанзы.

— Экій ротозѣй! Экій ротозѣй!

— Плохо приторочилъ, ваше благородіе. Известно, человѣкъ неприспособленный,—разсуждалъ Бурлаковъ.

— Что-жъ, иди, сторгуй у китайцевъ курицу. Только въ чемъ ее варить?

— Я всего найду, ваше благородіе.

— Ну ступай.

Бурлаковъ бросился усердствовать. Черезъ минуту на дворѣ послышался такой крикъ и шумъ, что капитанъ принужденъ былъ выйти изъ фанзы.

Бурлаковъ гонялся за курицей, которая летала по двору, за нимъ съ палкой бѣгала старая китаянка, а за ней старикъ и старался ее остановить. Кругомъ носились другія куры, утки, металась изъ угла въ уголокъ черная свинья и съ крикомъ бѣгала пѣлая толпа ребятишекъ, очень довольныхъ неожиданнымъ происшествіемъ. Другіе выставные оставались зрителями и едва удерживали поставленныхъ подъ навѣсъ испуганныхъ лошадей.

Усердіе Бурлакова, наконецъ, вывело капитана изъ терпѣнія. Онъ приказалъ его остановить и разобрать дѣло. Бурлаковъ объяснилъ, что курицу онъ «покупалъ на выборъ», чтобы не платить денегъ зря...

— А ты заплатилъ деньги?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Такъ что я располагалъ, когда выберу, тогда и деньги.

Капитанъ далъ старику нѣсколько серебряныхъ монетъ, объяснивъ ему, что онъ желаетъ имѣть курицу. Черезъ нѣсколько минутъ въ фанзу къ капитану пришелъ старикъ съ двумя другими китайцами и принесли еще куръ, гуся, утку и ящикъ съ китайскимъ тортомъ. Убѣдившись, что «капитанъ шибко шаню» и платить деньги, они все это принесли на продажу. Капитанъ взялъ себѣ тортъ, испеченный на свиномъ салѣ*) (надо же что нибудь ѣсть), и двѣ курицы купилъ для своихъ людей.

Бурлаковъ между тѣмъ въ другой половинѣ фанзы добывалъ посуду. Оттуда слышно было, какъ онъ говорилъ «по-китайски»: «Твоя давай, а моя бери». Но опять-таки дѣло не обошлось безъ недоразумѣній. Молодой женскій голосъ тараторилъ безъ устали и становился все громче и громче, а въ отвѣтъ голосъ Бурлакова громко и убѣдительно повторялъ: «Говорятъ тебѣ русскимъ языкомъ—моя отдавай назадъ... Капитанъ мало-мало кушь-кушь, и моя отдавай назадъ...» Но женскій голосъ протестовалъ неумолкаемо.

«Надо усмирить этого идиота»,—подумалъ капитанъ, прошелъ черезъ прихожую и отворилъ дверь во вторую половину фанзы. Здѣсь было человѣкъ двадцать мужчинъ и женщинъ. Нѣкоторые мужчины лежали на канахъ головой наружу, другіе сидѣли за столомъ на узкихъ скамейкахъ. Женщины сидѣли на канахъ, поджавъ подъ себя ноги: однѣ занимались шитьемъ, другія кормили ребятъ.

Посреди фанзы стоялъ Бурлаковъ съ пѣлой грудой чашекъ большихъ и малыхъ, наложенныхъ въ чугунномъ котлѣ. Около него толпилось человѣкъ пять мужчинъ, они всѣ сразу говорили и не давали ему пройти. Но голосистая китаянка, находившаяся между ними, пекривала всѣхъ своимъ крикомъ.

— Ваше благородіе! не даютъ посуды,—жалобно заявилъ Бурлаковъ, проходя впередъ, когда китаянки, увидя офицера, раздвинулись по сторонамъ.

Голосистая китаянка сразу замолчала, взобралась на канъ, предвзительно сбросивъ съ ногъ маленькія туфли, и тихонько заплакала, закрывъ лицо руками.

*) Коровьяго масла китаянки совершенно не употребляютъ.

«Как онъ однако похож на нашихъ женщинъ»,—подумалъ капитанъ, пораженный столь быстрой переменой.

Ему стало ее сердечно жаль.

— Не дають, такъ и не бери насильно...

— Говорятъ, что изъ этихъ чашекъ имъ только по большимъ праздникамъ пить...

— Какъ же ты это понялъ, когда ты по-китайски не говоришь и не понимаешь?

— Я такъ располагаю, ваше благородіе,—не иначе какъ такъ...

— Тѣмъ болѣе не надо брать... Отдай посуду... положи на столъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, теперь они не посмѣютъ.

— Я тебѣ приказываю!—закричалъ капитанъ такъ громко, что всѣ китайцы вздрогнули, а ребяташки вертѣвшіеся около него повскакали на кань. Китайка сразу перестала плакать и сквозь пальцы стала глядѣть на строгаго офицера. Она чувствовала, что онъ за нее заступился.

Бурлаковъ поставилъ котель съ посудой на столъ, поправилъ съѣхавшую на затылокъ фуражку и взялъ подъ козырекъ.

— Мнѣ такихъ услугъ не надо!—строго продолжалъ капитанъ, которому понравилась принятая имъ на себя роль.—Довольно! Больше мнѣ на глаза не показывайся! Будь при лошадахъ... Пускай мнѣ слушать другой. Ступай... и скажи, чтобы мнѣ сварили курицу въ нашемъ котелкѣ...

Бурлаковъ вышелъ впередъ, а за нимъ капитанъ.

Такой финалъ произвелъ на китайцевъ сильное и хорошее впечатлѣніе. Они одобрительно кивали головой, а знакомый старикъ засутился, выложилъ чашки изъ котла и понесъ его, чтобы отдать Бурлакову. Два молодыхъ бритыхъ китайца тоже догнали солдата у наружныхъ дверей, дружелюбно похлопали его по плечамъ и что-то говорили капитану, очевидно прося, чтобы онъ его не наказывалъ. «А въ сущности добрый народъ»,—разсуждалъ капитанъ, переходя въ свою половину:—но и китайка не дурна...

Вѣстовой, потерявшій корзину съ съѣстными припасами, старательно раскладывалъ на канѣ походную кровать.

— Скажи, чтобы скорѣй дѣлали ужинъ, да чаю заварили бы. Чай, если готовъ, давай сейчасъ же.

Дорога по жарѣ его страшно утомила и мучила жажда. Несмотря на восьмой часъ вечера, было еще душно. Капитанъ сбросилъ съ себя китель и прилегъ на приготовленную кровать, повернувшись къ окну и глядя на дворъ въ прорванное въ бумагѣ отверстіе.

Сумерки наступали быстро.

Кто-то тихо вошелъ въ комнату и застучалъ посудой. Ожидая, что чай готовъ, капитанъ быстро обернулся и увидѣлъ стоящую у

стола ту самую женщину, которая такъ настойчиво оберегала свою посуду.

Теперь тѣ же самыя чашки она разставила на столѣ.

— А!—воскликнулъ капитанъ, не находя другого выраженія своему удивленію и благодарности.

Онъ сначала хотѣлъ одѣть китель, но вспомнивъ, что китайки привыкли къ легкости костюмовъ своихъ кавалеровъ, остался такъ, какъ былъ. Онъ сѣлъ къ столу и еще разъ въ знакъ благодарности приложилъ руку къ сердцу.

Въ сумеркахъ фанзы трудно было разглядѣть ея черты, но видно было, что она надула губы и еще продолжала свою роль обиженной жертвы. Глаза смотрѣли внизъ, и надъ плоскими вѣками круто очерчивались густыя, черныя брови. Она была одѣта въ темно-синій халатъ, совершенно прямой и лишь обшитый по плечамъ, и груди черной тесемкой. Волоса были гладко зачесаны назадъ безъ всякихъ украшеній въ видѣ обручей, которые носить на затылкѣ китайки.

Она вынула изъ деревянной коробки щепотку чая и бросила ее въ чашку, наливъ туда кипятку изъ металлическаго чайника, и закрыла чашку крышкой.

Капитанъ слѣдилъ за ея проворными руками, которыя поразили его своей красивой формой. Пальцы суживались къ концамъ и переходили въ продолговатыя, ровныя, узкія ногти.

Незнаніе языка страшно стѣсняло капитана. Ему хотѣлось поговорить съ ней и узнать, какую роль она играетъ въ домѣ. Его удивляло, что при замкнутости китайскихъ женщинъ, она пришла въ комнату незнакомаго мужчины. Очевидно, она была или вдова, или если замужняя, то мужъ ея находился гдѣ-нибудь далеко отсюда.

Исполнивъ свое дѣло, она сказала нѣсколько словъ, нисколько не заботясь о томъ, понимаетъ ли ее капитанъ или нѣтъ. Не подымая глазъ, она говорила бархатистымъ контральто и подъ конецъ улыбнулась. Того крикливаго голоса, который спорилъ съ Бурлаковымъ, уже нельзя было узнать...

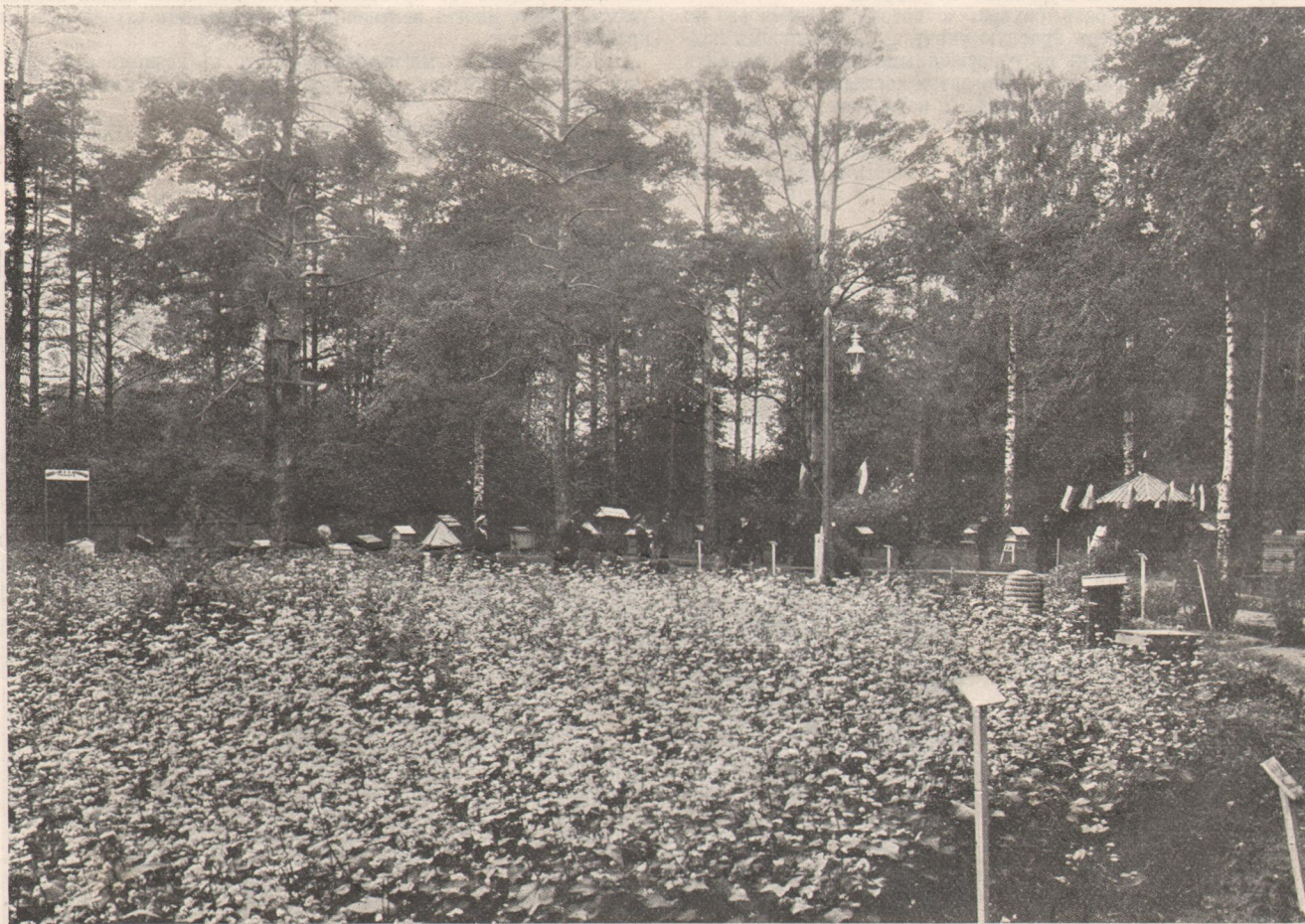
Затѣмъ ровной и твердой походкой, такъ какъ, очевидно, ноги у нея были нормальны и, стало-быть, она была манчжурка, женщина вышла изъ комнаты.

Капитанъ отхлебнулъ глотокъ чаю съ ароматомъ жасмина и машинально сталъ искать сахару.

Въ большой чашкѣ лежали плитки чайнаго печенья изъ песочнаго тѣста, обсыпаннаго бѣлымъ макомъ, но сахара не было.

Вошелъ Гришуткинъ съ миской, блюдечками, служащими китаецамъ тарелками, и единственнымъ ножомъ безъ вилки.

— И сахаръ пропалъ?—спросилъ капитанъ.

Всероссійская выставка пчеловодства въ Лѣсномъ Корпусѣ (Петербургъ). Общій видъ пастки и части сада Русскаго Общества Пчеловодства. По фот. авт. «Нивы».

Всероссийская выставка пчеловодства в Лѣсномъ Корпусѣ (Петербургъ). На I планѣ: Экспонаты пчеловоднаго музея Боровичскаго сельско-хозяйственнаго общества. На II планѣ: Рисунки и экспонаты Костромскаго губернскаго отдѣла. По фот. авт. «Нивы».

— Такъ точно...

Капитанъ опять хотѣлъ разсердиться, но теперь это уже не имѣло смысла.

— Ваше высокоблагородіе, дозвольте — я у китайцевъ спрошу.

— Спроси, только чтобы Бурлаковъ не совался.

Китайцы пьютъ чай безъ сахара, а потому въ домѣ его не оказалось. Старикъ принесъ красную свѣчу въ деревянномъ подсвѣчникѣ и зажегъ ее. Онъ съ сокрушеннымъ видомъ повторялъ нѣсколько разъ слово «сакара» и изъ двери поглядывалъ на дворъ. Наконецъ, пришла молодая китайка, и по ея частому дыханію видно было, что она куда-то бѣжала. Старикъ опять заговорилъ «сакара... сакара», но уже съ радостью. Женщина раздобыла гдѣ-то сахару. Онъ былъ желтый, большимъ кускомъ и видомъ походилъ на канифоль. Его пришлось колотъ ножомъ, что дѣлала сама женщина, не позволяя этого капитану. Она сама клала сахаръ въ чашку и мѣшала красной лакированной палочкой. Когда нужно было прибавить одинъ кусочекъ, то она отколола его зубами и положила въ стаканъ. Все это она сдѣлала съ такой быстротой, что капитанъ не успѣлъ ей помѣшать. Но, въ общемъ, онъ всѣмъ этимъ былъ доволенъ и рѣшилъ окончательнo, что Манчжурія вовсе не такая скучная страна, какъ онъ думалъ раньше.

Старикъ между тѣмъ тоже съ очень довольнымъ видомъ что-то рассказывалъ капитану, очевидно про женщину. Но что онъ говорилъ и въ какомъ родствѣ они были, такъ и осталось неизвѣстнымъ капитану. Онъ въ третій разъ пожалѣлъ, что не взялъ съ собой переводчика.

Гришуткинъ принесъ въ чашкѣ курицу, всю изрѣзанную на мелкіе кусочки, и заявилъ, что китайка варила и поджаривала курицу сама, а онъ боялся ей не позволить, чтобы опять не вышло ссоры.

Капитанъ любилъ поглотать кости, а въ мяскѣ были только кусочки куринаго мяса, но приготовлено это было очень вкусно, и онъ ѣлъ съ аппетитомъ.

Когда ужинъ приходилъ къ концу, китайка налила еще чашку чая и ушла. Вскорѣ она вернулась, неся съ собой узенькій красный матрацъ и подушку въ видѣ валька. Капитанъ съ изумленіемъ смотрѣлъ, какъ она съ хозяйственнымъ видомъ раскладывала ихъ на канѣ рядомъ съ кроватью. Хотя въ своей жизни капитанъ уже испыталъ многія искушенія, но въ данномъ случаѣ онъ былъ крайне смущенъ.

Китайка опять вышла, оставивъ его въ полномъ недоумѣніи. Онъ рѣшилъ, что они другъ друга не поняли, и имъ необходимо объясниться.

Искусительница-китайка черезъ нѣсколько минутъ опять явилась, держа въ рукахъ ночникъ и короткую, но довольно толстую палку.

Всероссийская выставка пчеловодства в Лѣсномъ Корпусѣ (Петербургъ). Видъ учебно-образцовой и наблюдательной пасѣки Русскаго Общества Пчеловодства. По фот. авт. «Нивы».

«Странные обычаи в этой Манчжурии.—подумал капитан:—Ночник я еще понимаю, но для чего же палка?»

Во всяком случае он решил быть пассивным и ждать конца.

Китайка, между тем, повернувшись к нему спиной, что-то стрепала около ночника. Скоро тонкий аромат опиума разъял сомненья капитана. Палка оказалась чубуком трубки, а ночник лампочкой для плавления кусочков опиума. В то же время капитан вспомнил, что китайцы курят его лежа.

Когда приготовления были окончены, китайка жестами пригласила его покурить, вытирая платком костяной наконечник чубука. Он никогда этого не пробовал и, при других обстоятельствах, наверно отказался бы, но теперь решил покурить ради опыта. Он столько слышал о вредных последствиях этого, что приступил к первому опыту с некоторым трепетом.

Китайка, сбросив туфли, уже полулежала на ганг, и он в таком же положении разместились против нея на юфячкѣ.

Втянув в себя дым, капитан воображал, что сейчас же голова его затуманится и он впадет в полусонное состояние. Но, к его удивлению, дым, не имѣя ни вкуса, ни крепости. Ни ртомъ, ни легкими он не ощущал ровно ничего и чувствовал дымящийся опиумъ только по запаху. Голова его также оставалась совершенно свѣжа, и уже послѣ третьей затяжки курение перестало его интересоваться, и онъ, машинально потягивая чубукъ, разглядывала свою близкую соседку. Она проворно протыкала полужидкую массу опиума металлической иглой, крутила его, оттопыривая мизинецъ, и ловко отдергивала трубку отъ огня, чтобы не дать массѣ загорѣться. Увидя сейчас же по приемамъ, что капитанъ въ этомъ дѣлѣ новичекъ, она смѣялась каждый разъ, когда онъ затягивался не во-время, а при удачѣ повторяла:—«хау, хау...»

Когда одна трубка докурилась, китайка скрутила надъ огнемъ второй шарикъ и приготовила новую трубку. Но ужъ теперь капитанъ отказался и, чтобы отвѣтить услугой за услугу, придвинулъ къ себѣ лампочку, взялъ изъ рукъ китайки иглу и трубку и сталъ въ ней ковырять. Китайка попробовала курить, но дѣло не клеилось. Она начала неудержимо смѣяться и трубка прыгала у нея въ рукахъ. Наконецъ она потушила лампу, схватила ее и трубку съ коробочкой опиума и, одѣвъ туфли, направилась къ двери. Тамъ она остановилась, освободила одну руку, приложила ее къ ладони, словно желая капитану спокойной ночи, и исчезла.

Онъ, какъ бы въ ожиданіи, нѣсколько разъ прошелся по фанзѣ.

Ему казалось, что китайка должна еще разъ придти, что она выдумаетъ еще что-нибудь новое. Но китайка, очевидно, ничего больше придумать не могла, потому что не появлялась. Онъ старался себя увѣрить, что ужасно не хотѣлъ бы ея появленія, и въ то же время чего-то ждалъ и прислушивался къ малѣйшему шороху на другой половинѣ фанзы. Но тамъ было тихо. На дворѣ въ полголоса разговаривали вѣстовые.

Тогда капитанъ вспомнил, что ему надо завтра вставать въ пять часовъ. Запахъ опиума, стоявшій въ фанзѣ, его не беспокоилъ и даже былъ ему приятенъ, но онъ решил, что если этого запаха не будетъ, то онъ скорѣе уснетъ. Поэтому всталъ на канъ и поднялъ верхнюю половину окна.

Черезъ окно же онъ позвалъ Гришуткина.

— Вы гдѣ будете спать?—спросилъ онъ.

— Здѣсь, на дворѣ, прохладнѣе, ваше высокоблагородіе...

— Ну хорошо, ты съ Бурлаковымъ спишь на дворѣ, а пришли ко мнѣ третьяго.

Новый вѣстовой подошелъ къ окну.

— Вотъ что любезный... Ты лягъ тутъ въ прихожей... у моей двери... понимаешь?..

— Такъ точно, понимаю.

И капитанъ очень довольный, что такъ рѣшительно оградилъ себя отъ всякихъ новыхъ происшествій, быстро раздѣлся, потушилъ свѣчу и легъ.

Съ удовольствіемъ засыпая, онъ слышалъ, какъ вѣстовой укладывался въ передней около его двери, а на дворѣ Бурлаковъ разговаривалъ съ Гришуткинымъ.

— Ну что ты можешь доказать, скажи ты мнѣ пожалуйста,—говорилъ Бурлаковъ.—Развѣ ты можешь способствовать? Никогда въ жизни...

— Отвяжись ты отъ меня, дай мнѣ спать,—говорилъ Гришуткинъ.

— Что ты такое есть? Солдатъ, и больше ни гвоздя... А я, кромѣ всего прочаго, я есть переводчикъ и могу доказать на практикѣ, что я есть переводчикъ... А вы какую привилегію имѣете?..

Переходя на «вы» Бурлаковъ показывалъ свою образованность и презрѣніе къ собесѣднику.

Но собесѣдникъ, утомленный длинной дорогой и поисками пропавшей корзины, уже спать, и вмѣсто отвѣта на слова Бурлакова раздавалось лишь пронзительное кваканье манчжурскихъ лягушекъ.

В. Табуринъ.

Группа чиновъ запасной полковой № 4 почтовой конторы, при станціи Куанчендзы (въ Манчжури). По фот. авт. «Нивы».

Учреждение Государственной Думы.

I. О составе и устройстве Государственной Думы.

1. Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсуждения законодательных предложений, восходящих, по силе основных законов, через Государственный Совет, к Верховной Самодержавной Власти.
2. Государственная Дума образуется из членов, избираемых населением Российской Империи на пять лет с основаниях, указанных в положении о выборах в Думу.
3. По Указу Императорского Величества Государственная Дума может быть распущена до истечения пятилетнего срока (ст. 2). Тем же Указом назначаются новые выборы в Думу.
4. Продолжительность ежегодных занятий Государственной Думы и сроки их прерыва в течение года определяются Указами Императорского Величества.
5. В состав Государственной Думы образуются Общее Собрание и Отделы.
6. Отделов в Государственной Думе должно быть не менее четырех и не более восьми. Членов в каждом отделе полагается не менее двадцати. Ближайшее установление числа отделов Думы и состава их членов, а также распределение дѣлъ между отделами зависит от Думы.
7. Для законного состава заседаний Государственной Думы требуется присутствие в общем собрании — не менее одной трети всего числа членов Думы, а в отделе — не менее половины входящих в его состав членов.
8. Расходы по содержанию Государственной Думы относятся на счет Государственного Казначейства.

II. О председателях Государственной Думы и ее отделов.

9. Председатель Государственной Думы и его Товарищ избираются Думою из числа ее членов на год, по истечении коего те же лица могут быть вновь избираемы. Председатель, кроме указанного в статьях 3 случая, исполняет свои обязанности впрямь до нового выбора Председателя. Избранный на последний год пятилетия (ст. 2) Председатель исполняет свои обязанности до окончания пятилетия. В случае отсутствия Председателя, обязанности его исполняет его Товарищ.
10. Председатель Государственной Думы всеподданнѣе полагает на Высочайшее благоволение о занятиях Думы.
11. Председатели отделов Государственной Думы избираются в каждом отделе из числа его членов на год, по истечении коего те же лица могут быть вновь избираемы.
12. Для соображения общих, возникающих относительно деятельности Государственной Думы, вопросов, под председательством ее Председателя, состоит совѣщание, в состав коего входят Товарищ Председателя Думы, председатели ее отделов, а равно секретарь Думы и его товарищ.

III. О членах Государственной Думы.

13. Члены Государственной Думы, при вступлении в Думу, дают торжественное обещание, по прилагаемой при семь формѣ.
14. Члены Государственной Думы пользуются полною свободой суждений и мнѣній по дѣлам, подлежащим вѣдѣнию Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями.
15. Член Государственной Думы может быть подвергнут лишению или ограничению свободы не иначе, как по распоряжению судебной власти, а равно не подлежит личному задержанию за долги.
16. Член Государственной Думы может отказаться от сего звания, заявив о томъ письменно Председателю Думы.
17. Член Государственной Думы выбывает из ее состава в случаях: а) утраты русского подданства; б) поступления на действительную военную службу; в) назначения по гражданской Государственной службе на должность, соединенную съ определенным окладом содержания, и г) утраты ценза, дающаго право на участие в выборах.
18. Сверхъ указанных в предшедшей (17) статьѣ случаев, член Государственной Думы выбывает из ее состава также и в случае наступления обстоятельств, указанных в пунктах а, б, в, г, е, и ж статьи 7 положения о выборах в Думу.
19. Член Государственной Думы временно устраняется от участия в ее собраниях в случаях: а) привлечения къ слѣдствию или суду по обвинению в преступных дѣяніях, означенных в пунктѣ а статьи 7 положения о выборах в Думу или влекущих за собою отрѣженіе от должности, и б) объявления несостоятельным должником — впрямь до определения свойства несостоятельности.
20. Члены Государственной Думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащих на нихъ по сему званію, привлекаются къ ответственности в порядкѣ и на основаніях, установленных для привлечения къ ответственности за нарушение долга службы членов Государственного Совета (учр. Гос. Сов. ст. 105—113).
21. Признание члена Государственной Думы утратившим это званіе (ст. 17 и 18), а равно временное устраненіе члена Думы от участия в ее собраниях (ст. 19) зависит от Правительствующаго Сената.
22. Означенныя в предшедшей (21) статьѣ дѣла возбуждаются в Правительствующем Сенатѣ по сообщеніям Председателя Государственной Думы и рѣшаются в первом департаментѣ Сената окончательно, по выслушаніи заключенія обер-прокурора, большинством голосовъ присутствующих сенаторовъ, в случае же равенства голосовъ — по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющим обязанности первоприсутствующаго.
23. Члены Государственной Думы на время ее занятий получаютъ сущное изъ казны довольствіе в размѣрѣ десяти рублей в день. Сверхъ того членамъ Думы возмѣщаются изъ казны разв в годъ путевыя издержки по расчету пяти копѣекъ на версту от мѣста ихъ жительства до С.-Петербурга и обратно.
24. Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями не состоятъ членами Государственной Думы, но могутъ присутствовать в ее собраниях и давать разъясненія по дѣламъ какъ лично, такъ равно черезъ своихъ товарищей, или начальниковъ отдѣльных частей центральныхъ управленій, либо ближайшихъ помощниковъ сихъ начальниковъ, или же другихъ, уполномоченныхъ Министрами и Главноуправляющими, должностныхъ лицъ.
25. Сообщеніе разъясненій в указанномъ предшедшемъ (24) статьѣмъ порядкѣ обязательно для Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, если Государственная Дума, по Общему ее Собранію, или по одному изъ ее отделовъ, признаетъ разъясненія необходимыми.

IV. О секретарях Государственной Думы и ее отделовъ, канцеляріи Думы и состоящихъ при ней лицахъ.

26. Секретарь Государственной Думы и его товарищ избираются Думою изъ числа ее членовъ на пять летъ (ст. 2) и исполняютъ свои обязанности впрямь до выбора секретаря и его товарища новымъ составомъ Думы.
27. Секретари отделовъ Государственной Думы избираются каждымъ отделомъ изъ числа его членовъ на пять летъ (ст. 2).
28. Для производства дѣлъ по Государственной Думе состоитъ при ней канцелярія.
29. Управленіе канцелярію Государственной Думы возлагается на секретаря Государственной Думы. Труды его раздѣляетъ товарищ секретаря Думы. В случае, указанномъ в статьѣ 3, управленіе канцелярію Думы возлагается, впрямь до избранія секретаря новымъ составомъ Думы, на Государственного Секретаря.
30. Исполненіе послѣдовавшихъ со стороны Председателя Государственной

Думы и ее отделовъ распоряженій в видахъ поддержанія порядка возлагается на пристава Думы и его помощниковъ.

31. Приставъ Государственной Думы и его помощники в числѣ, определенномъ штатомъ, назначаются Председателемъ Думы.

32. Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ в канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы, при семь прилагаются.

V. О предметахъ вѣдѣнія Государственной Думы.

33. Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ:
 - а) предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, приостановленія дѣйствія и отмѣны;
 - б) финансовыя смѣты Министерствъ и Главныхъ Управленій и государственная роспись доходовъ и расходовъ, равно какъ денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя, — на основаніи особыхъ по сему предмету правилъ;
 - в) отчетъ Государственного Контроля по исполненію государственной росписи;
 - 1) дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имущества, требующемъ Высочайшаго соизволенія;
 - 2) дѣла о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны и за ее счетъ;
 - 3) дѣла объ учрежденіи компаний на акціяхъ, когда при семъ испрашивается изъятія изъ дѣйствующихъ законовъ;
 - 4) дѣла, вносимыя на разсмотрѣніе Думы по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.
34. Государственной Думѣ предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданій новыхъ законовъ (ст. 54—57). Предположенія эти не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными.
35. Государственной Думѣ предоставляется заявлять Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны Министровъ или Главноуправляющихъ, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, коими нарушаются, по мнѣнію Думы, существующія законоположенія (ст. 58—61).

VI. О порядкѣ производства дѣлъ въ Государственной Думѣ.

36. Подлежація обсужденію Государственной Думы дѣла вносятся в Думу Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями, а также Государственнымъ Секретаремъ.
37. Внесенныя в Государственную Думу дѣла обсуждаются в отделе, а затѣмъ поступаютъ на разсмотрѣніе Общаго ее Собранія.
38. Засѣданія Общаго Собранія и отделовъ Государственной Думы назначаются, открываются и закрываются ихъ председателями.
39. Председатель останавливаетъ того изъ членовъ Государственной Думы, который уклоняется отъ соблюденія порядка или уваженія къ закону. Отъ Председателя зависитъ объявить перерывъ засѣданія или его закрыть.
40. В случае нарушенія порядка членомъ Государственной Думы онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на определенный срокъ отъ участія в собранияхъ Думы. Членъ Думы удаляется изъ засѣданія по постановленію отдела или Общаго Собранія Думы, по принадлежности, а устраняется отъ участія в собранияхъ Думы на определенный срокъ по постановленію Общаго ее Собранія.
41. В засѣданія Государственной Думы, по Общему ее Собранію и по отделамъ, постороннія лица не допускаются.
42. Председателю Думы предоставляется разрѣшать присутствовать въ засѣданіяхъ Общаго ее Собранія, кроме засѣданій закрытыхъ, представителямъ повременной печати в числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія.
43. Закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы назначаются по постановленію Общаго Собранія или по распоряженію Председателя Думы. По его же распоряженію назначаются закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы и в томъ случаѣ, когда Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью, предметъ вѣдомства коего касается дѣла, подлежащее разсмотрѣнію Думы, заявитъ, что оно составляетъ государственную тайну.
44. Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ Общаго Собранія Государственной Думы составляются приязными стенографами и, по одобреніи Председателемъ Думы, допускаются къ оглашенію в печати, кроме отчетовъ о закрытыхъ засѣданіяхъ.
45. Изъ отчетовъ о закрытомъ засѣданіи Общаго Собранія Государственной Думы могутъ подлежать оглашенію в печати тѣ части, опубликованіе которыхъ сочтеть возможнымъ либо Председатель Думы, если засѣданіе было объявлено закрытымъ по его распоряженію или по постановленію Думы, либо Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью, если засѣданіе было объявлено закрытымъ вслѣдствіе его о томъ заявленія.
46. Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью можетъ взять обратно внесенное имъ в Государственную Думу дѣло во всякомъ его положеніи. Но дѣло, внесенное в Думу, вслѣдствіе возбужденія ею законодательнаго вопроса (ст. 34), можетъ быть взято обратно Министромъ или Главноуправляющимъ не иначе, какъ съ согласія на то Общаго Собранія Думы.
47. Заключеніемъ Государственной Думы по разсмотрѣннымъ ею дѣламъ признается мнѣніе, принятое большинствомъ членовъ Общаго Собранія Думы. В этомъ заключеніи должно быть определенно указано согласіе или несогласіе Думы съ внесеннымъ предположеніемъ. Предполагаемая Думою измѣненія должны быть выражены в точно установленныхъ положеніяхъ.
48. Законодательныя предположенія, разсмотрѣнныя Государственною Думою, вносятся съ ее заключеніемъ въ Государственный Советъ. По обсужденіи дѣла въ Советѣ, положеніе его, кромѣ случая, указанного в статьѣ 49, представляется на Высочайшее благоволеніе в порядкѣ, установленномъ учрежденіемъ Государственного Совета, вмѣстѣ съ заключеніемъ Думы.
49. Законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ двухъ третей членовъ в Общихъ Собраніяхъ какъ Государственной Думы, такъ и Государственного Совета, возвращаются подлежащему Министру или Главноуправляющему для дополнительнаго соображенія и внесенія вновь на законодательное разсмотрѣніе, если на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе.
50. В тѣхъ случаяхъ, когда Государственный Советъ встрѣтитъ затрудненіе принять заключеніе Государственной Думы, дѣло можетъ быть, по постановленію общаго собранія Совета, передано для согласованія мнѣнія Совета съ заключеніемъ Думы, в комиссію изъ равнаго числа членовъ отъ обоихъ установленій, по выбору Общихъ Собраній Совета и Думы, по принадлежности. В комиссіи председательствуютъ Председатель Государственного Совета или одинъ изъ председателей департаментовъ Совета.
51. Согласительное заключеніе, выработанное в комиссіи (ст. 50), вносится сперва въ Общее Собраніе Государственной Думы, а затѣмъ в общее собраніе Государственного Совета. Если согласительнаго заключенія не будетъ выработано, то дѣло возвращается въ общее собраніе Государственного Совета.

(Продолженіе будетъ).

Всероссийская выставка Пчеловодства. (Съ 4 рис. на стр. 674, 675 и 676).

Пчеловодство—одно из самых древних занятий русского народа: оно уже существовало у славян одновременно съ хлебопашествомъ и звѣриною ловлей и, вѣроятно, возникло вмѣстѣ съ этими главными занятиями нашихъ предковъ еще въ незапамятные времена. Пчеловодство въ древнее время было даже въ особомъ почетѣ, такъ какъ доставляло любимый напитокъ—медъ, а безъ меда не обходилось ни одно празднество, ни одна дружеская пирушка. Крѣпкій и хмѣльный медъ замѣнялъ тогда нынѣшнее шампанское...

Съ тѣхъ поръ пчеловодство, конечно, утратило это особое привилегированное значеніе, но зато неизмѣримо подвинулось у насъ на Руси въ культурномъ развитіи, какъ отрасль промышленности. Открывшаяся 30-го іюля въ Петербургѣ «Всероссийская выставка Пчеловодства» ясно показываетъ огромные успѣхи, достигнутые у насъ этимъ дѣломъ въ настоящее время.

Выставка эта помѣщается въ Лѣсномъ паркѣ, при образцовой учебной пасѣкѣ «Русскаго Общества Пчеловодства». Занимаетъ она не очень большое пространство, но расположена чрезвычайно живописно, устроена очень толково и представляетъ большой интересъ даже для публики, не говоря уже о любителяхъ-пчеловодахъ, которые, положительно, застаиваются передъ витринами.

Извѣстно, что пчеловодство очень легко можетъ стать страстью. Ни одно изъ подобныхъ занятій не увлекаетъ до такой степени, какъ уходъ за пчелами. Пчеловоды страстно любятъ своихъ пчелъ, свои ульи, живутъ ихъ жизнью, посвящаютъ имъ все свое время и говорятъ о своихъ «пчелкахъ» не иначе, какъ тономъ глубокой нѣжности. Вспомнимъ, напримѣръ, Мориса Метерлинка и его такъ трогательно написанную «Жизнь пчелъ».

И, дѣйствительно, пчелы и ихъ жизнь настолько интересны, что можно вполне понять это увлеченіе пчеловодствомъ, несмотря даже на несчастную страсть пчелиной породы очень больно и очень ядовито жалиться. Описываемая выставка поэтому имѣетъ, безусловно, общій интересъ, и повторяемъ, на ней очень много любопытнаго: большинство экспонатовъ достаточно ярко и подробно представляютъ намъ не только способы и методы ухода за пчелами и добыванія меда, но и самый бытъ пчелъ и физиологическія подробности ихъ организма.

Владивостокская стрѣлковая дружина. Взводъ сотни стрѣлковъ-велосипедистовъ, вмѣстѣ съ командиромъ, поручикомъ А. К. Плохотенко. По фот. авт. «Нивы».

Изъ числа отдѣловъ выставки, главнымъ образомъ, обращаютъ на себя вниманіе экспонаты, присланные Императорскимъ обществомъ акклиматизаціи растений и животныхъ. Въ этомъ отдѣлѣ имѣются, между прочимъ, великолѣпные и обширные гербаріи медоносныхъ растений, микроскопическіе препараты по естественной исторіи пчелы и превосходно сработанный улей системы Рута.

Изъ другихъ экспонатовъ слѣдуетъ отмѣтить интересную коллекцію заграничныхъ металлическихъ принадлежностей по пчеловодству Дютіля, пчеловодный музей «Боровичскаго сельско-хозяйственнаго общества» (Новгородской губ.), ульи, изобрѣтенные крестьяниномъ Александровымъ, пчеловодный отдѣлъ костромскаго губернскаго земства, пасѣка О. П. Зубова и оригинальные экспонаты извѣстнаго петербургскаго пчеловода, П. Н. Прокофьева.

Вообще, на выставкѣ собрано очень много поучительныхъ и любопытныхъ предметовъ, и посѣтители (особенно, пчеловоды) извлекутъ даже изъ краткаго и бѣлаго осмотра ея много полезныхъ свѣдѣній, и ясно увидятъ весь ростъ и все развитіе пчеловодства въ Россіи въ настоящее время.

Иллюстраціи къ произведеніямъ Г. Гейне.

(Съ 2 рис. на стр. 664 и 665).

Неоконченная «легенда» Генриха Гейне «Бахаракскій равнинъ» принадлежитъ къ числу самыхъ яркихъ и картинныхъ его произведеній. Эта прозаическая по своей формѣ легенда представляетъ собою истинное стихотвореніе въ прозѣ, полное глубокой поэзіи, чувства и тонкой художественной красоты. Художникъ М. Маймонъ въ своемъ рисункѣ, воспроизведенномъ на страницахъ этого № «Нивы», изобразилъ одну изъ самыхъ поэтическихъ сценъ «Бахаракскаго равнина», а именно, тотъ моментъ, когда равнинъ Авраамъ, во время праздника Пасхи, идетъ вмѣстѣ съ женою Саррою, ночью за городъ, приносить искупительную жертву ангелу Смерти.

Вмѣстѣ съ этимъ рисункомъ наши читатели встрѣтятъ и другой рисунокъ—худ. Н. Петровскаго,—тоже представляющій собою иллюстрацію къ произведенію Г. Гейне. На этотъ разъ художникъ взялъ темою для

Владивостокская стрѣлковая дружина. Стрѣлки-велосипедисты-развѣдчики, вмѣстѣ съ командиромъ, поручикомъ А. К. Плохотенко. Передъ отправленіемъ на развѣдку. По фот. авт. «Нивы».

своего рисунка одну из баллад Гейне, в столь свойственном его таланту романтическом духѣ, а именно, стихотвореніе «Два брата».

На утѣхъ замокъ старый
Чуть видѣется въ ночи.
Передъ замкомъ в битвѣ ярой
Блещутъ звонкіе мечи.

«Что за схватка? — спрашиваетъ далѣе поэтъ, и отвѣчаетъ: — Это братья ратоборствуютъ вдвоемъ». Въ замокъ живетъ старый другъ со своей дочерью — и, вотъ, изъ-за нея и возгорѣлась борьба двухъ братьевъ... И хотя съ той поры прошли вѣка, но ярость братьевъ не угомонилась и дониндѣ, и ходитъ молва, что и нынѣ каждой полночью дерется Братьевъ гнѣвная чета...

Э. Г. Бакгофъ. (Портретъ на этой стр.).

2-го августа с. г. исполняется рѣдкій юбилей — 50-ти-лѣтіе дѣятельности талантливаго и выдающагося русскаго картографа Эдуарда Густавовича Бакгофа. Юбилей этотъ рѣдкій потому, что рѣдки хорошіе картографы. У насъ, въ Россіи, картографія — одна изъ самыхъ молодыхъ отраслей графическаго искусства, и русскихъ картографовъ можно свободно перечестъ по пальцамъ. Э. Г. Бакгофъ, посвятившій себя картографіи съ юныхъ лѣтъ, проработавъ у себя на родинѣ, въ Германіи, истинное приложеніе своему искусству намель лишь въ Россіи, куда онъ прибылъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Съ 1885 г. Э. Г. Бакгофъ сталъ работать въ Петербургѣ и, постепенно расширяя кругъ своихъ работъ, дошелъ до поприща, на которомъ суждено было ему завоевать себѣ прочное имя.

Въ 1897 г. съ талантливыми работами Э. Г. ознакомился покойный издатель «Нивы» А. Ф. Марксъ, давно уже лелѣвший мысль объ изданіи «Всемирнаго настольнаго географическаго атласа». Всю свою жизнь посвятившій просвѣдѣтельному цѣлямъ, А. Ф. Марксъ давно уже подмѣтилъ широкій пробѣлъ въ русской педагогической и общественной литературѣ — отсутствіе большого, всеобщаго географическаго атласа, подобнаго заграничнымъ. Никто до А. Ф. Маркса не рѣшался взяться за составленіе и изданіе такого обширнаго атласа, прекрасно понимая, что на это нужно посвятить не одинъ десятокъ лѣтъ жизни, не говоря уже о колоссальныхъ средствахъ, которыя требовалось затратить впередъ, далеко не будучи обезпеченнымъ въ томъ, что они скоро могутъ быть возмѣщены продажей такого изданія. И вотъ, покойный А. Ф. Марксъ, съ давнихъ поръ задумавшій дать русскому обществу «Всемирный атласъ», смѣло пошелъ и на сто-тысячныя затраты, и не жалѣлъ своихъ многолѣтнихъ трудовъ на наблюденіе за составленіемъ атласа и его изданіемъ.

Въ этомъ отношеніи роль Э. Г. Бакгофа была весьма выдающаяся. Онъ, на ряду съ редакторами атласа проф. Э. Ю. Петри и полк. Шональскимъ, былъ способнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ исполнителемъ плановъ покойнаго издателя, и ревностнѣйшимъ и точнѣйшимъ исполнителемъ картографическихъ работъ.

Въ томъ памятникѣ, который воздвигъ себѣ покойный А. Ф. Марксъ своимъ «Всеобщимъ атласомъ», Э. Г. Бакгофу принадлежить почетная роль крупнаго строителя. Восемь лѣтъ непрерывно проработавъ Э. Г. вмѣстѣ съ А. Ф. Марксомъ, проходя карту за картой, затрачивая массу труда и времени для того, чтобы создать въ еде почтовой области русской картографіи то стройное цѣлое, которое зовется «Всеобщимъ атласомъ Маркса» и составляетъ, поистиннѣ, выдающееся дѣло 35-ти-лѣтнихъ трудовъ и работъ покойнаго нашего издателя на поприщѣ русскаго просвѣщенія.

Судьба угодно было, чтобы именно теперь, когда только что разошелся среди мыслящей и учащейся Россіи «Всеобщій атласъ» въ его первомъ изданіи, исполнился 50-ти лѣтній юбилей одного изъ главныхъ работниковъ по его составленію — Э. Г. Бакгофа.

Первые тридцать лѣтъ проработавъ Э. Г. въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ

родился 4-го марта 1840 г.; пятнадцати лѣтъ отъ роду Э. Г. поступилъ уже «въ дѣло», къ фирмѣ Брокгауза (въ Лейпцигѣ), имѣвшей специальное географическо-артистическое заведеніе. Въ тѣ времена, еще мало интересовались географіей, даже и на Западѣ, и Э. Г. былъ единственнымъ ученикомъ въ школѣ и близко сошелся и подружился съ своимъ учителемъ Г. Ланге, и эта дружба была неразрывна вплоть до кончины Ланге.

Пережившій своего учителя, и вдохновителя послѣднихъ лѣтъ его жизни и работъ, незабвеннаго А. Ф. Маркса, Э. Г. Бакгофъ, при своихъ 65-ти годахъ, еще чувствуетъ себя бодрымъ и дѣятельнымъ работникомъ, и въ настоящее время, руководя попрежнему нашимъ обширнымъ картографическимъ заведеніемъ, ревностно работаетъ надъ новымъ, вторымъ изданіемъ «Всемирнаго атласа».

За время печатанія атласа мѣръ претерпѣлъ массу политическихъ измѣненій, и всѣ они должны отразиться на географическихъ картахъ атласа, этихъ точнѣйшихъ фотографическихъ снимкахъ лица земли. И какъ истинный картографъ, онъ ревностно слѣдитъ за каждой появляющейся морщинкой на этомъ лицѣ, чтобы отмѣтить ее своимъ рѣзцомъ. Никогда не разставаясь за своей мелкой, кропотливой работой съ увеличительнымъ стекломъ, въ концѣ губя изъ года въ годъ свое зрѣніе, онъ усердно исполняетъ свою непрерывную работу. Полдѣка въ уединенной тишинѣ своей мастерской проработавъ Э. Г. Бакгофъ, невѣдаемый тому широкому міру, жизни и интересамъ котораго онъ ревностно служилъ и служитъ; лишь на одно мгновение приостановилъ онъ свою работу — въ день своего почтеннаго юбилея. Отъ души желаемъ уважаемому Эдуарду Густавовичу, чтобы эти дни труда длились долгіе годы и сохранили бы попрежнему его силы и знанія на пользу науки и просвѣщенія.

СМѢСЬ.

С.-петербургскіе желѣзно-дорожные курсы. — Въ ноябрѣ 1903 года въ Петербургѣ были открыты «желѣзно-дорожные курсы» — специальное учебное заведеніе для подготовки, главнымъ образомъ, станціонныхъ агентовъ по желѣзно-дорожной службѣ. Курсы эти состоятъ въ вѣдѣніи Императорскаго русскаго технического общества и вступаютъ уже въ третій годъ своего существованія.

При современномъ развитіи желѣзно-дорожнаго дѣла, это послѣднее съ каждымъ годомъ требуетъ все болѣе и болѣе работниковъ — и притомъ работниковъ развитыхъ, хорошо знающихъ свои обязанности и профессионально образованныхъ.

Образовательный цѣль, требуемый для поступления на курсы таковы: отъ мужчинъ требуется окончаніе, по меньшей мѣрѣ, городского училища министерства народнаго просвѣщенія по положенію 1872 г. или 5 классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а для женщинъ — окончаніе среднихъ учебныхъ заведеній. Лица, не обладающія цѣлью, принимаются въ качествѣ вольнослушателей.

Предметы, изучаемые на курсахъ слѣдующіе: 1) коммерческая эксплуатанія, 2) техническая эксплуатанія, 3) краткія свѣдѣнія по службѣ пути и тяги, 4) телеграфія и телеграфированіе, 5) сигнализация и стрѣлки, 6) администрація и дѣлопроизводство, 7) счетоводство, отчетность и операція по службѣ сборовъ, 8) товаровѣдѣніе съ коммерческой географіей, 9) станціонная гигиена и подача первой помощи.

Занятія на курсахъ ведутся по вечерамъ, съ 7 часовъ, и поэтому ихъ могутъ посѣщать и лица, занятые въ теченіе дня на службѣ. Съ 1 сентября сего года начнутся экзамены для тѣхъ слушателей, которые состоятъ на курсахъ въ истекшій учебный годъ. А 3 октября начнутся занятія уже для вновь поступившихъ. Приемъ прошеній о поступленіи на курсы продолжится до 1 октября.

Въ теченіе лѣтняго времени (до экзаменовъ) всѣ слушатели курсовъ имѣли практику на желѣзныхъ дорогахъ, а слушатели перваго выпуска (1903—1904 гг.) уже размѣщены на разныя должности.

Курсы помѣщаются въ С.-Петербургѣ, на Галерной ул. д. № 5.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1905 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэгому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленною присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 1-го сентября, съ № 36-го. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Испорченнаѣ натура. Повесть Кн. М. В. Волконской. (Продолженіе). — Мѣсть. Стих. В. Мазуревича. — На волнѣ. (Отъ нашего спеціального корреспондента). — Учрежденіе Государственной Думы. — Всероссийская выставка Пчеловодства. — Иллюстрація къ произведеніямъ Г. Гейне. — Э. Г. Бакгофъ. — Смѣсь. — Заявленіе. — Объявленіе.

Р И С У Н К И: Рыбная ловля. — Литературный альбомъ. «Сахаракскіи равнины», легенда Генриха Гейне. — Литературный альбомъ. «Два брата», стихотвореніе Генриха Гейне. — Молдая картошка. — Пльннй японецъ. — Воздушный шаръ съ крелсера „Рисси“. — Мальчикъ Н. Зуевъ. — Пиготовленіе шара къ полету на крейсере „Россія“. — Группа офицеровъ 31-го Вост.-Сиб. стрѣлк полка во Влади остохѣ. — Владивостокъ. Адмиралъская пристань и крейсеръ „Алмазъ“, пр равннйшій во время Цусимскаго боя во Владивостокѣ. — Всероссийская выставка Пчеловодства въ Лѣсномъ Голѣ съ (Пе ербургъ): 1) Общій видъ пасѣки и части сада Русскаго Общества Пчеловодства. 2) Общій видъ пасѣки и части сада Русскаго Общества Пчеловодства. 3) На I планѣ: Экспонатъ пчел воднаго музея Боръвична-о сельска-хозяйственнаго общества. На II планѣ: Рисунки и экспонаты Костромскаго губернскаго отѣла. 4) Видъ учебно-образцовой и наблюдательной пасѣки Русскаго Общества Пчеловодства. — Група чиновъ запасной полка № 4 плчтовла конторы, при станціи Куанчендзы (въ Манчжуріи). — Владивостокская стрѣлковая дружина. 1) Взводъ соини стрѣлковъ-велосипедистовъ, вмѣстѣ съ командиромъ, поручикомъ А. К. Плохотенко. 2) Передъ отправленіемъ на рывѣнку. — Э. Г. Бакгофъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 40.

Редакторъ-издат. А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

